Э(С)1
Я 47

ПРЕБЫВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ САРДАМѢ И АМСТЕРДАМѢ

5740
150р
С
7829

220

ПРОВЕРЕНО 1943 г.
1944 г.
1945
1946 г.
1950
1951
1952

Библиотека О-ва Л. Е., А. и Э. [illegible] Политехнич.

5

1949

ПРЕБЫВАНІЕ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ВЪ

САРДАМѢ И АМСТЕРДАМѢ.

АРХИВ
[illegible]
[illegible]

9(с)1
9/471
9-41

ПРЕБЫВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

въ

САРДАМѢ И АМСТЕРДАМѢ

въ 1697 и 1717 годахъ.

Составлено

А. Языковымъ.

БИБЛИОТЕКА
РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ
КРАСНЫЙ ФЛОТ

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK).
27, UNTER DEN LINDEN.
1872.

РЕДАКЦИЯ
„СОВЕТСКИЙ ФЛОТ"
Орган МО СССР

27708

БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
Естествознания, Антропологии
и Этнографии
и
Государственного ... кого
Политехнического Музея.

Время поступ. 4 Июня 1923
Инвент. № 9493

Шифр:

Петръ I-й въ Сардамѣ...*) въ 1697 году.

Въ 1697 году, въ лѣтнее время, въ Сардамѣ обращалъ на себя общее вниманіе загадочный иностранецъ, въ одеждѣ простаго плотника, работавшій на корабельной верфи; человѣкъ безусловно послушный мастеру въ работѣ, но съ виду величественный, могучій, изобличающій санъ не простаго работника, волю, созданную не повиноваться, но безотчетно повелѣвать и любознательность, не доступную человѣку обыкновенному.

Оригинальный иностранецъ этотъ былъ — Русскій Царь Петръ Алексѣевичъ, сынъ Царя Алексѣя Михайловича и супруги его по второму браку Наталіи Кириловны Нарышкиной. По первому браку

*) Извлечено изъ: 1., Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand principalement en Hollande par Meerman; 2., Pierre le Grand en Hollande et à Zaardam dans les années 1697 et 1717 par Vorenet; 3., Pierre le Grand par Scheltema и заимствовано преимущественно изъ исторіи Петра Великаго Устрялова и источниковъ имъ указанныхъ.

отца, Петръ имѣлъ сестру Софію и двухъ братьевъ Ѳедора и Ивана.

По смерти въ 1682 году старшаго брата Ѳедора Алексѣевича, несдѣлавшаго никакого распоряженія о своемъ наслѣдникѣ, Патріархъ, большинство бояръ и народъ провозгласили Царемъ десятилѣтняго Петра, выказавшаго уже тогда геніальныя наклонности, между тѣмъ какъ второй, слѣдовавшій за Ѳедоромъ братъ Іоаннъ Алексѣевичъ былъ слабъ физически и умственно. Съ того, можетъ быть, времени, властолюбивая Софія стала непримиримымъ врагомъ Петра и, поддерживаемая стрѣльцами, единственнымъ постояннымъ войскомъ того времени, возвела на престолъ обоихъ братьевъ Ивана и Петра, надѣясь черезъ то принять бразды правленія въ свои руки, подъ видомъ Правительницы.

Она удалила отъ Петра всѣхъ родственниковъ со стороны матери его Нарышкиной и старалась окружить юнаго брата мірскими наслажденіями, не достойными Царскаго сана.

Неоспоримо, такая обстановка оставила на юномъ Царѣ ведныя прослѣдствія, но, къ счастію русскаго народа, рано развились отроческія силы Петра; въ 10-ть лѣтъ онъ казался 15-ти лѣтнимъ юношею, большіе черные глаза сверкали огнемъ, на щекахъ игралъ румянецъ здоровья и силы; во всѣхъ движеніяхъ обнаруживалась смѣлость и энергія, сильная воля, не

естественное развитіе умственное и жажда дѣятельности.

Въ геніальномъ человѣкѣ любопытно знать начало его воспитанія и ту обстановку, которая имѣла вліяніе на его развитіе. По обычаю того времени, Царскіе дѣти въ Россіи до 15-ти лѣтняго возроста не были окружаемы никѣмъ кромѣ нянекъ, да мамокъ, и самое обученіе ихъ ограничивалось русскою грамотою. Но Петръ, съ 4-хъ лѣтъ живя съ матерью въ селѣ Преображенскомъ на рѣкѣ Яузѣ, въ дѣтскихъ играхъ началъ проявлять свои мысли и изобрѣтенія, окружилъ себя молодыми людьми, такъ называемыми потѣшными, началъ учиться построенію крѣпостей, стрѣлять и впослѣдствіи сдѣлалъ изъ этого роту, послужившую потомъ началомъ регулярной Русской арміи.

Положительно извѣстно, что до 15-ти лѣтняго возраста Петръ не имѣлъ настоящаго наставника и едва умѣлъ писать. Первымъ учителемъ ариѳметики былъ при немъ голландецъ Тиммерманъ, плохой математикъ, который самъ дѣлалъ большія ошибки въ задачахъ; но смѣтливый ученикъ быстро соображалъ въ чёмъ дѣло: своею рукою безошибочно и отчетливо изложилъ ариѳметическія правила, затвердилъ всѣ иностранные термины, перешелъ къ геометріи, фортификаціи, артиллеріи, вычислилъ размѣры орудій и опредѣлилъ полетъ бомбы. Учебныя тетради его сохранились.

Случайно отъ Князя Якова Долгорукова любознательный Петръ узналъ, что есть за границею такой инструментъ, которымъ, стоя на одномъ мѣстѣ, можно измѣрять пространство на дальное разстояніе. Петръ немедленно выписалъ астролябію и готовальню, и, долго не находя человѣка, умѣющаго употреблять эти инструменты, онъ наконецъ, съ помощію Тиммермана, научился ихъ употребленію и съ того времени еще болѣе сталъ заниматься математическими науками.

Точно также счастливый случай возбудилъ въ душѣ его страсть къ кораблестроенію и мореплаванію Для потомства сохранился о семъ разсказъ самого Петра.

„Въ Маѣ мѣсяцѣ 1688 года случилось намъ быть въ Измайловѣ (село въ 7-ми верстахъ отъ Москвы), между старыми вещами, я увидѣлъ судно иностранное и спросилъ Тиммермана, что это за судно? Онъ отвѣчалъ: Англійское, и что оно ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра. Это меня въ великое удивленіе привело, я спросилъ: есть-ли такой человѣкъ, который можетъ починить его, онъ отвѣчалъ, что есть, и съ великою радостію велѣлъ его сыскать, и вышерѣченный Тиммерманъ сыскалъ голландца Карштенъ-Бранта, который оный ботъ починилъ и сдѣлалъ маштъ и паруса и на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зело любо стало.“ Но Яуза оказалась узка, а Просяной прудъ мелокъ для дальнѣйшихъ манев-

ровъ бота; тогда Петръ перенесъ его на Переславское озеро Владимірской губерніи. Между тѣмъ Брантъ сдѣлалъ два малые фрегата и три яхты. Царь помогалъ ему съ топоромъ въ рукѣ. Потомъ Петру и Переславское озеро показалось недостаточнымъ, онъ переѣхалъ на Кубенское, но и это было мелко. „Того ради положилъ уже свое намѣреніе прямо видѣть море.“

Царица мать, полагая отвлечь Царя отъ частыхъ поѣздокъ, вздумала его женить и женила 27-го Января 1689 года на прекрасной Евдокіи Лопухиной. Но едва прошелъ медовой мѣсяцъ и начали вскрываться рѣки, Царь оставилъ жену, ускакалъ въ Переславль. Не слушалъ о возвращеніи ни приказаній матери, ни просьбъ молодой жены. „Гей, писалъ онъ Царицѣ, о здравіи твоемъ слышать желаю и благословенія прошу, а о судахъ паки подтверждаю: зело хороши всѣ“ . . .

Ровно за 5-ть мѣсяцевъ до кончины Царя Алексѣя Михайловича, 25-го Августа 1675 года, пришли къ Архангельску съ моря на голландскихъ корабляхъ 14-ть служащихъ иностранцевъ — офицеровъ и изъявили желаніе служить въ Россіи; въ числѣ ихъ былъ женевецъ Капитанъ Лефортъ, которому такъ много приписываютъ вліянія на образованіе Петра. Но достовѣрно извѣстно, что до 17-ти лѣтняго возроста Царя, Лефортъ при немъ не находился, а слѣдовательно

на первоначальное развитіе его способностей, на его планы, занятія до того времени вліянія имѣть не могъ. Лефортъ и не былъ особенно свѣдущимъ человѣкомъ ни въ военномъ искусствѣ, ни въ морскомъ. Секретарь Цесарскаго Посольства Корбъ свидѣтельствуетъ, что Лефортъ пріобрѣлъ вниманіе, а потомъ и дружбу Царя тѣмъ, что во время бунта Софіи отсталъ, въ числѣ первыхъ, отъ Царевны и явился къ Петру въ Лавру. Личныя достоинства душевныя, острый умъ, благородство сердца, рѣдкое безкорыстіе довершили дальнѣйшую привязанность къ Лефорту Царя, ненавидѣвшаго криводушіе, и съ этого времени вліяніе женевца на Петра было дѣйствительно благотворно, тѣмъ болѣе, что изъ разсказовъ его Царь ознакомился съ Европейскимъ бытомъ, не похожимъ на средневѣковую жизнь русскихъ.

Изъ совоспитанниковъ Государя извѣстны только двое: Ефимъ Воронинъ и Григорій Лукинъ; оба впослѣдствіи положили за него свои головы подъ стѣнами Азова.

Скоро послѣ женитьбы Петра, въ томъ же 1689 году, Софія возбудила стрѣльцовъ къ бунту, покушаясь на самую жизнь своего державнаго брата. Петръ, спасшись тайнымъ отъѣздомъ въ Троицкую Лавру, съумѣлъ усмирить стрѣльцовъ, и написалъ своему брату Іоанну, что по актамъ царствовать назначено только имъ, братьямъ, и что о сестрѣ неупо-

минается; между тѣмъ царствомъ распоряжается она и хочетъ даже короноваться. Петръ предлагалъ Софію удалить, а бунтовщиковъ — казнить. Іоаннъ предоставилъ ему свободу дѣйствовать и распоряжатьс̆я. Петръ постановилъ виновнымъ грозный приговоръ, а Софію отправилъ въ монастырь и тѣмъ пріостановилъ дальнѣйшее покушеніе къ возмущеніямъ.

Труды Петра на Переславскомъ озерѣ увѣнчались сооруженіемъ корабля, который и былъ торжественно спущенъ въ озеро, и, побывавъ въ началѣ 1693 года на Кубенскомъ озерѣ*), Царь въ Іюлѣ того же года поѣхалъ въ Архангельскъ, гдѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми движеніями англійскихъ и голландскихъ судовъ, за ловкостью и искусствомъ матросовъ, накопецъ отплылъ самъ въ Бѣлое море. Поѣздка въ Архангельскъ продолжалась съ 20-го Іюля по 18-е Сентября; въ теченіе этого времени Царь нанялъ матросовъ, мастеровъ, кораблестроителей изъ разныхъ государствъ, заказалъ архангельскому воеводѣ приготовить два купеческіе корабля для торговли заграницею. Намѣреваясь слѣдующимъ лѣтомъ потѣшиться на волнахъ океана со всею своею компаніею и пріучить солдатъ къ морскимъ маневрамъ, заложилъ еще два корабля — одинъ собственными руками на вновь устроенной верфи ниже Архангельска на Со-

*) Близъ Вологды.

ломболѣ; другой заказалъ амстердамскому бургомистру.

Возвратясь въ Преображенское, Царь занялся приготовленіемъ къ морскому походу на слѣдующую весну: наточилъ въ своей токарнѣ блоковъ для корабля, отлилъ для вооруженія его пушки, выбралъ солдатъ въ матросы, придумалъ морскіе сигналы, начерталъ планъ маневровъ и назначилъ командиромъ будущаго флота Генералиссимуса Князя Ромадановскаго, самъ же принялъ званіе шкипера.

Послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ смерть Царицы — матери неостановила дѣятельности Петра. Къ Апрѣлю 1694 года перевезено въ Архангельскъ 1000 самопаловъ или ружей, 24 пушки, 2000 пудъ пороху и блоки для оснастки корабля.

Забравъ въ Вологдѣ заказанные имъ 22 карбаса, отсолютовавъ городу изъ всѣхъ пушекъ, Петръ отправился по Двинѣ со всѣми созданными имъ моряками, достигъ Архангельска и двинулся въ Соловки. Въ это плаваніе онъ потерпѣлъ страшную бурю: вся свита его пришла въ ужасъ, но Царь безстрашно смотрѣлъ на яростное море и, пріобщившись Св. Таинъ изъ рукъ бывшаго при немъ Архіипископа Аѳанасія, бодро взялся за руль*). — Однако онъ совершилъ

*) Въ воспоминаніе сего, Петръ собственными руками сдѣлалъ деревянный крестъ $1^1/_2$ саж. вышины и водрузилъ на берегу съ надписью по-голландски: Dat Kruys maken Kaptein Piter van a. cht. 1694. (Крестъ сей сдѣлалъ шкиперъ Петръ. 1694 г.)

потомъ еще походъ въ Сѣверное море и по окончаніи его возвратился въ Москву.

Царь готовился къ походу на Азовъ, необходимый ему для защиты Дона отъ набѣговъ Турокъ; въ первый разъ попытка эта ему неудалась, именно потому, что не было флота, безъ котораго Азовъ былъ не доступенъ.

Нынѣ онъ заказалъ нѣсколько судовъ по образцу венеціянскихъ, основалъ въ Воронежѣ корабельную верфь, самъ трудился на ней, „ѣдя въ потѣ лица хлѣбъ свой," какъ выражался въ письмѣ къ боярину Стрѣшневу, за то и работа, при которой находился Царственный плотникъ, кипѣла. Къ веснѣ 1696 г. были готовы 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера. Эта первая, можно сказать, Русская флотилія, „морской караванъ," какъ тогда выражались, предводимая адмираломъ Лефортомъ, (при чемъ самъ Петръ, въ званіи капитана, командовалъ восьмью галерами), загородила Турецкому флоту доступъ къ Азову и тѣмъ ускорила сдачу крѣпости.

Убѣдившись на опытѣ въ важности для Россіи флота, Петръ продолжалъ дѣятельно заниматься его сооруженіемъ, вызывалъ иностранныхъ мастеровъ, отправилъ учиться кораблестроенію до 50-ти русскихъ дворянъ на заграничныя верфи, и наконецъ, чтобъ быть полнымъ знатокомъ и судьею въ этомъ дѣлѣ, самъ, не взирая на господствовавшее въ то время

предубѣжденіе противъ иностранцевъ, рѣшился на небывалое предпріятіе — лично отправиться въ Голландію, осмотрѣть страну, о которой онъ отъ голландцевъ, работавшихъ въ Россіи, наслышался много хорошаго, а главное — ѣхалъ за тѣмъ, чтобы самому изучить искусство кораблестроенія, начавъ съ обязанности простаго плотника, да кстати ознакомиться и вообще съ Европейскимъ благоустройствомъ для примѣненія къ своему отечеству. Намѣреніе его было поработать на верфяхъ Итальянскихъ, Голландскихъ и Англійскихъ.

Лишь только эта поѣздка была рѣшена и Царь сообщилъ свои намѣренія боярамъ, избравъ нѣсколько знатныхъ молодыхъ людей для сопутствованія ему, какъ встрѣтилъ противодѣйствіе и ропотъ среди людей, закоренѣлыхъ въ старыхъ привычкахъ, поддерживаемыхъ духовенствомъ, высказывавшимъ опасеніе за непоколебимость религіи и русскихъ нравовъ. Даже составился заговоръ Цинклера и Соковнина противъ жизни Петра, зачинщицею котораго была всё таже Софія, хотя и заключенная въ монастырѣ; однако же заговоръ былъ во́ время открытъ. Грозная казнь быстро остановила дальнѣйшіе замыслы.

Назначено было особое посольство къ разнымъ европейскимъ дворамъ, съ цѣлью переговоровъ о войнѣ съ Турками, самъ Царь занялъ мѣсто кавалера посольства подъ именемъ „Петра Михайлова.“

Представителями посольства были: Лефортъ, Головинъ и Возницинъ; тутъ же были князь Сибирскій, Меншиковъ и другіе, почти всё русскіе знатныхъ фамилій; каждому посланнику назначено было по 4 секретаря, 12 камеръ-юнкеровъ и 2 пажа; сверхъ того, при посольствѣ находилось 50 солдатъ Преображенскаго полка и офицеры; всего около 250 лицъ, въ томъ числѣ 35-ть волонтеровъ.

Послы выбирали себѣ въ свиту частію родственниковъ, частію знакомыхъ.

Десятскими были: Гаврило Кобылинъ, Петръ Михайловъ (Царь) и Петръ Плещеевъ.

Самъ Петръ и Лефортъ были одѣты по нѣмецки, всѣ прочіе имѣли богатые русскіе кафтаны, а Грузинскій Царевичъ Арчилъ великолѣпную одежду востока.

Посольство отправилось изъ Москвы въ 1697 году, Марта 10го, черезъ Новгородъ и Ригу. Проѣздъ черезъ Лифляндскую губернію, владѣніе Швеціи, сопровождавшійся многими непріятностями и недоразумѣніями, послужилъ поводомъ къ дипломатическимъ сношеніямъ съ Шведскимъ дворомъ, и, можетъ быть, въ числѣ многихъ другихъ причинъ, повлекъ за собою, въ позднѣйшемъ времени, ожесточенную войну между двумя государствами.

Пріемомъ въ Курляндіи Царь остался очень доволенъ, особенно послѣ холодной, и, можетъ быть, преднамѣренно-невнимательной встрѣчи въ Лифляндіи.

Въ Митавѣ Герцогъ Курляндскій Фридригъ Казиміръ приказалъ бургомистру Фонъ-Сакену встрѣтить посольство у границы герцогства. Для въѣзда въ самый городъ даны герцогскіе экипажи и встрѣча сопровождалась пушечной пальбой. Въ отведенномъ посольству домѣ приготовленъ былъ роскошный ужинъ и за столомъ служили придворные чиновники. На другой день герцогъ прислалъ къ посольству, для поздравленія, своего канцлера и многихъ знатныхъ особъ. На третій день бургомистръ Фонъ-Сакенъ пригласилъ посольство посѣтить Его Свѣтлость въ замкѣ, куда и ѣхали они въ пышныхъ экипажахъ, а маіоръ Шмидтъ велъ русскихъ солдатъ. На дворѣ замка была выстроена курляндская пѣхота, отдававшая посѣтителямъ честь съ музыкой и барабаннымъ боемъ. Это было 16-го Апрѣля. Герцогъ вышелъ на встрѣчу посламъ къ подъѣзду и самъ ввелъ перваго посла во дворецъ, и когда откланялись, то онъ проводилъ ихъ до каретъ. На другой день Герцогъ посѣтилъ пословъ и цѣлую недѣлю въ Митавѣ посольство было угощаемо на счетъ Его Свѣтлости.

Покидая Митаву 25-го Апрѣля, Царь нетерпѣливо желалъ увидѣть свою любимую стихію — море, знакомое ему подъ именемъ Варяжскаго и поспѣшилъ въ Либаву*); посламъ же приказалъ ѣхать въ Кенигс-

*) Въ Либавѣ понынѣ сохранится надпись на домѣ, гдѣ останавливался Петръ Великій, въ улицѣ Herren-Strasse.

бергъ къ Курфирсту Бранденбургскому сухимъ путемъ, а для себя и товарищей нанялъ либавскій купеческій корабль Св. Георгія. За противнымъ вѣтромъ онъ долженъ былъ остаться недѣлю въ Либавѣ, гдѣ пересмотрѣлъ всё, на что другіе бы не обратили вниманія, даже аптеку.

2-го Мая Царь отправился въ море; на другой день бросилъ якорь въ прусской крѣпости Пиллау и далъ знать въ Кенигсбергъ Курфирсту Бранденбургскому Фридриху III, что прибылъ и желаетъ съ нимъ видѣться запросто; съ нимъ были всѣ волонтеры и 40 солдатъ. Камеръ-юнкеру Фонъ-Гринцу повелѣно заботиться, чтобы Московскій Оберъ-Командиръ (такъ называли Петра въ Кенигсбергѣ) ни въ чемъ не имѣлъ недостатка и чтобы всё содержаніе ему и свитѣ производилось отъ двора.

Предъ въѣздомъ въ Пруссію посольство было раздѣлено. Здѣсь Царь, поджидая пословъ, медленно ѣхавшихъ, занялся изученіемъ артиллеріи подъ руководствомъ главнаго инженера прусскихъ крѣпостей Штейтнера-Фонъ-Штернфельдъ и получилъ, по возвращеніи въ Москву, аттестатъ, по которому рекомендуютъ всѣмъ: чтобы „Московскаго кавалера, именемъ господина Петра Михайлова, признавать и почитать за совершеннаго въ метаніи бомбъ, осторожнаго и искуснаго художника. Дано въ Кенигсбергѣ въ Пруссахъ, 2-го Сентября 1698 года.“ О радѣніи и приле-

жанiи державнаго ученика свидѣтельствуютъ собственноручныя замѣтки его, сохранявшiяся въ государственномъ архивѣ.

Послы были приняты въ Кенигсбергѣ 18-го Мая съ почестями „какъ бы самъ Царь Московскiй при нихъ находился." Курфирстъ даже на это время отмѣнилъ при своемъ дворѣ трауръ, бывшiй по случаю смерти Шведскаго Короля Карла XI-го; подъ пословъ выслалъ свою собственную парадную карету; войска стояли шпалерами по улицамъ и за милю отъ Кенигсберга выcланъ былъ генералъ Кригсъ-Коммисаръ Данкельманъ и церемонiймейстеръ Бессеръ для привѣтствiя.

На другой день явился къ посламъ церемонiймейстеръ Бессеръ для соглашенiя объ условiяхъ этикета при аудiенцiи. Курфирстъ хотѣлъ принять посольство сидя на тронѣ и чтобы они цѣловали ему руку. Послы отозвались: „если Его Пресвѣтлость во время аудiенцiи покажетъ какую-либо отмѣну противъ прежнихъ обычаевъ, они посольство править не будутъ и пойдутъ изъ палаты вонъ." Курфирстъ уступилъ и они представились 21-го Мая въ торжественной аудiенцiи. Между прочимъ при этомъ случаѣ былъ заключенъ обоюдный, оборонительный союзъ о вѣчной дружбѣ и взаимной оборонѣ противъ тѣхъ державъ, которыя, вопреки обязательству, отстанутъ отъ войны съ Турцiею и обратятъ свое оружiе на

Курфирста Бранденбургскаго или Государя Россійскаго, и еще другія условія въ 7-ми статьяхъ.

Отблагодаривъ Курфирста Бранденбургскаго, чрезъ трехъ его представителей, за доставленное удовольствіе музыкальнымъ оркестромъ, Петръ условился съ директоромъ музыки за 1000 червонцевъ обучить этому искусству извѣстное число молодыхъ русскихъ. Царь замѣтилъ, что музыка въ полкахъ возбуждаетъ воинское настроеніе и для того рѣшился ввести её въ полки; за неимѣніемъ же учителя и инструментовъ, спабдилъ полки малыми органами и этимъ познакомилъ впервые русскія войска съ музыкою.

Скоро однако, почувствовавъ тягость всѣхъ устраиваемыхъ для него празднествъ, Петръ рѣшился покинуть Кенигсбергъ и миновать всѣ прочіе германскіе города.

10-го Іюня Царь переѣхалъ въ Пиллау, положивъ, вмѣсто предположенной прежде поѣздки въ Вѣну, отправиться прямо въ Голландію, которую нетерпѣливо желалъ видѣть; но въ Пиллау прожилъ три недѣли единственно по случаю выбора Короля въ Польшѣ. Хотѣли выбрать Принца де-Конти изъ Франціи, поддерживаемаго турками и Крымскимъ Ханомъ — врагами Россіи; Петръ этому противился и заявилъ о томъ, чрезъ своего резидента въ Варшавѣ, Никитина. Царь стоялъ за Курфирста Саксонскаго, и когда его избрали, то отправился изъ Пиллау 30-го

Іюня въ Кольбергъ, а оттуда 11-го Іюля, вмѣстѣ съ послами, поѣхалъ по Германіи, посѣтилъ многіе города въ томъ числѣ и Берлинъ, останавливаясь впрочемъ только для ночлега. Въ мѣстечкѣ Коппенбрюкъ, въ Герцогствѣ Цельскомъ, былъ весьма любезно встрѣченъ принцессами Ганноверскою и Бранденбургскою, которыя для него устроили даже балъ; за тѣмъ, вмѣстѣ съ послами, отправился прямо къ Рейну и 5-го Августа вступилъ въ предѣлы Голландіи.

Сардамъ славился въ то время обширностію кораблестроенія, дѣятельностію торговли; тамъ было не менѣе 50 частныхъ верфей, на которыхъ работы производились днемъ и ночью, съ такою быстротою, что въ 5-ть недѣль поспѣвалъ корабль, готовый вступить въ море. Сардамскіе плотники, работавшіе въ Архангельскѣ и Воронежѣ, такъ много наговорили о томъ Царю, что онъ прибывъ въ Амстердамъ 7-го Августа, и не останавливаясь тамъ, продолжалъ путь до Сардама, взявъ съ собою только шесть волонтеровъ, въ томъ числѣ Царевича Имеретинскаго, Гаврилу и Александра Меншиковыхъ, а прочихъ оставилъ въ Амстердамѣ. Плывя на ботѣ, Царь замѣтилъ занятаго ловлею угрей стараго знакомаго кузнеца Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ, и позвалъ его. Кистъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, увидѣвъ Русскаго Монарха въ одеждѣ голландскаго плотника — красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ холстинныхъ шараварахъ и

лакированной шляпѣ, и еще болѣе изумился, когда Царь изъявилъ намѣреніе поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ его скромной хижинѣ, съ условіемъ никому о томъ не сказывать. Тщетно отговаривался кузнецъ бѣдностію и тѣснотою своего помѣщенія, — онъ долженъ былъ уступить непреклонной волѣ Царя и согласился отвести ему заднюю отдѣльную половину своего дома, которую нанимала вдова подепщика. Давъ ей 7-мь гульденовъ, Царь между тѣмъ зашелъ въ гостинницу подъ вывѣскою „Выдры". День былъ воскресный, народъ толпился на улицахъ, пріѣздъ царскихъ спутниковъ возбудилъ общее вниманіе и праздная толпа обступила гостинницу. „Мы простые плотники, ищемъ работы" велѣлъ сказать Петръ любопытнымъ и отправился къ Кисту.

Домикъ Киста, крытый черепицею, находился въ наиболѣе уединенной части Сардама, на Кримпѣ, имѣлъ два окна, совмѣщая въ себѣ двѣ не большія комнаты съ израсчатымъ каминомъ, служившимъ и для приготовленія кушанья; кровать, по обычаю голландцевъ, даже и теперь существующему, была расположена въ шкафу. Тутъ-то Монархъ обширнѣйшаго государства обрекъ себя неусыпному труду и лишеніямъ, чтобы изучить искусство кораблестроенія и всё, что до того относится, и чтобы потомъ этими уроками подѣлиться съ своими подданными на благо отечества

БИБЛИОТЕКА
РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ
КРАСНЫЙ ФЛОТ
2726

Нетерпѣливо ждалъ онъ рабочей поры, и 9-го Августа, въ Понедѣльникъ, рано утромъ, накупивъ въ лавкѣ вдовы Якова Ома плотничныхъ инструментовъ, записался корабельнымъ плотникомъ, подъ именемъ Петра Михайлова, на верфи Линста Рогге въ Бейтензанѣ. Ежедневно, съ солнечнымъ восходомъ, отправлялся онъ на работу, и потрудившись до поту лица, заходилъ въ какой нибудь гербергъ подкрѣпить свои силы или посѣщалъ семейства сардамскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву. Въ потомствѣ ихъ сохранились преданія, переходя изъ рода въ родъ, что дѣлалъ и говорилъ Царь Московскій. У Маріи Гитмансъ, матери Томаса Іоссаса, женщины бѣдной но радушной, онъ выпилъ стаканъ джину; у жены Яна Ренсена обѣдалъ; Анте-Местье, спросившей о своемъ мужѣ, сказалъ: „онъ добрый мастеръ, я хорошо знаю его, потому что рядомъ съ нимъ строилъ корабль.“ — „Развѣ и ты плотникъ?“ возразила недовѣрчивая голландка, видя предъ собою красиваго, повелительнаго, отважнаго человѣка, геркулесовскаго сложенія. „Да и я плотникъ“ отвѣчалъ Петръ. Чаще другихъ навѣщалъ онъ вдову искуснаго мастера Класа Муша, умершаго въ Москвѣ. Незадолго передъ тѣмъ она получила, по смерти мужа, отъ имени Россійскаго Государя въ подарокъ 500 гульденовъ, и догадавшись, что Московскій гость, въ одеждѣ плотника, не простой человѣкъ, просила его сказать при случаѣ

Его Царскому Величеству, что сердце ея преисполнено живѣйшей признательности за щедрую милость, утѣшившую ее въ горькомъ вдовствѣ. Петръ съ удовольствіемъ согласился передать слова ея Царю Московскому и охотно остался у нея обѣдать.

Сохранились также преданія о посѣщеніи имъ, во время прогулокъ въ Сардамѣ, разныхъ фабрикъ и заводовъ: самымъ тщательнымъ образомъ онъ вникалъ въ ихъ устройство, распрашивалъ мастеровыхъ, иногда болѣе чѣмъ могли они или хотѣли объяснить ему, нерѣдко слышалъ грубые отвѣты, часто брался самъ за дѣло, и въ каждомъ мастерствѣ обнаруживалъ изумительную ловкость. Такъ на бумажной мельницѣ, подъ вывѣскою Повара, приглядѣвшись къ пріемамъ мастера, онъ попросилъ у него формы, проворно черпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ листъ безукоризненнаго совершенства. Довольный успѣхомъ и похвалою мастера, онъ подарилъ ему цѣлый талеръ на водку. Съ такимъ же любопытствомъ онъ осматривалъ лѣсопильни, маслобойни, бумагопрядильни, сукновальни и другія мельницы, наполнявшія Занландскія деревни; въ Зандикѣ даже помогалъ рабочимъ въ строеніи крупчатки, существующей и до сихъ поръ.

Любимая прогулка его была водою. На другой день по пріѣздѣ въ Сардамъ, онъ купилъ не большой яликъ у корабельнаго маляра Гарменсона за 40 гуль-

деповъ, съ придачею кружки пива, которую роспилъ съ продавцомъ въ герберге близь Овертома. Царь весело катался на немъ по каналамъ, по заливу Эй.

Между темъ уже съ перваго дня появленія его на верфяхъ, въ Сардаме заговорили о Московскомъ плотнике: величественный видъ, заметная привычка къ господству, нетерпеливость въ исполненіи желаній, даже невольные порывы гнева, всё изменяло тайне. Голландцы, темъ более голландки, не хотели верить, чтобы высокій, статный, красивый московитъ, съ повелительнымъ взоромъ, былъ простой плотникъ: они считали его знатнымъ господиномъ, не знали только — кто онъ; разведывали, распрашивали съ возрастающимъ любопытствомъ, следили за нимъ и не редко около него собиралась толпа, къ немалой досаде его, которую онъ не всегда могъ скрыть. Вскоре высокій санъ его не былъ уже тайною для многихъ. Она обнаружилась сначала черезъ цирюльника.

Одинъ Сардамскій плотникъ писалъ изъ Москвы на родину къ отцу своему, что въ Голландію отправилось великое посольство, что въ свите скрывается самъ Царь, что онъ, безъ сомненія, посетитъ Сардамъ и что его не трудно узнать по высокому росту, по трясенію головы, по размахиванію правою рукою и по небольшой бородавке на правой щеке. Отецъ прочиталъ это письмо пріятелю своему цирюльнику Помпу; вскоре после того зашли въ цирюльню мос-

ковскіе гости, и Помпъ, увидѣвъ что одинъ изъ нихъ имѣлъ всѣ означенныя въ письмѣ примѣты, не замедлилъ разгласить о своемъ открытіи. Сначала не вѣрили ему, многіе обратились съ распросами къ Кисту; но тотъ хранилъ тайну и утверждалъ, что въ домѣ его живетъ простой плотникъ. Однакожъ жена Киста, Ниль-Максъ, въ присутствіи многихъ, вскричала на мужа: „Терпѣть не могу, когда ты, Герритъ, говоришь не правду."

Наконецъ особенный случай далъ новую пищу молвѣ: потрудившись на верфи, Петръ купилъ себѣ сливъ, положилъ ихъ въ шляпу и кушалъ дорогою. На плотинѣ, ведущей къ Зюйдеку, пристала къ нему толпа мальчишекъ, однимъ изъ нихъ далъ онъ по нѣскольку сливъ, другимъ не далъ, и забавляясь радостію первыхъ, пишетъ очевидецъ Номенъ, неудовольствіемъ вторыхъ, продолжалъ путь. Не получившіе сливъ въ досадѣ начали бросать въ него грязью, потомъ пустили и каменья, такъ что Царь принужденъ былъ укрыться отъ своевольной толпы въ гербергѣ Трехъ Лебедей, и разгнѣванный безпорядкомъ, велѣлъ позвать Бургомистра.

Между тѣмъ многіе изъ гражданъ, видѣвшіе это непріятное происшествіе, съ своей стороны поспѣшили дать знать мѣстному начальству и ждали на плотинѣ прибытія Бургомистра, за которымъ послали сторожевое судно. Они были въ большомъ страхѣ, не

Царя ли Московскаго въ самомъ дѣлѣ оскорбили дерзкіе мальчишки? Недоумѣніе ихъ скоро разрѣшилъ шкиперъ, видавшій Петра въ Архангельскѣ: онъ вошелъ въ гербергъ, гдѣ Государь пилъ чай, безъ труда узналъ его, и возвратившись къ толпѣ объявилъ: „Точно, это самъ Царь, я хорошо знаю его.“

Бургомистръ Авелинъ Вилельсонъ Іоръ не замедлилъ пріѣхать, распросилъ обстоятельно о случившемся и, по совѣщаніи съ Номеномъ и съ другими членами мѣстной управы, приказалъ $^{10}|_{20}$ Августа обнародовать слѣдующее объявленіе: „Бургомистры съ прискорбіемъ узнавъ, что дерзкіе мальчишки осмѣлились бросать грязью и каменьями въ знатныхъ иноземцевъ, которые хотятъ быть здѣсь неизвѣстными, строжайше воспрещаютъ подобное своевольство подъ опасеніемъ жестокаго наказанія. Ослушники будутъ отсылаемы къ благородному господину Бальи; о чемъ объявляется всѣмъ и каждому въ предостереженіе отъ наказанія и стыда.“

Въ тотъ же день, вслѣдствіе изъявленнаго Царемъ неудовольствія на стеченіе народа, толпившагося предъ домомъ Киста, Бургомистръ велѣлъ поставить на мосту, ведущемъ въ Кримпъ, стражу. Разумѣется, все это удостовѣрило Сардамцевъ, что среди ихъ находится Царь, и онъ уже не могъ оставаться неизвѣстнымъ.

Вечеромъ того же дня Петръ навѣстилъ купца

Кальфа, и увидѣвъ у него Бургомистра Іора, въ знакъ почтенія, снялъ предъ нимъ шляпу. Бургомистръ спросилъ переводчика: „неугодно ли будетъ господину его откушать завтра рыбы по сардамски.“ Царь велѣлъ сказать, что господинъ ихъ еще не пріѣхалъ и отказался отъ приглашенія. Пріятель Кальфа, богатый купецъ Мейнертъ Блумъ, съ своей стороны предлагалъ Царю собственный домъ, болѣе удобный для помѣщенія, съ фруктовымъ садомъ, въ лучшей части Сардама, на восточной сторонѣ, и получилъ въ отвѣтъ: „Мы-не знатные господа, а простые люди; для насъ довольно и той квартиры, гдѣ мы живемъ.“

Скоро молва о Царѣ-плотникѣ достигла и Амстердама, одни вѣрили ей, другіе — сомнѣвались. Богатый негоціантъ Адолфъ Гаутманъ, неоднократно принимавшій Петра въ своемъ домѣ въ Архангельскѣ, поспѣшилъ отправить въ Сардамъ главнаго приказщика своего Якова Избрандеса удостовѣриться въ справедливости разсказовъ. Избрандесъ, увидѣвъ Царя издали, тотчасъ узналъ его, но несмѣя къ нему подойти, возвратился къ хозяину, блѣдный какъ полотно, и донесъ, что Царь дѣйствительно въ Сардамѣ. Гаутманъ и пріятель его Іонгъ немедленно туда отправились, встрѣтили Петра въ матроской курткѣ и съ изумленіемъ воскликнули: „Вы ли это, Ваше Величество?“ „Вы сами видите,“ ласково отвѣчалъ Царь, пригласилъ ихъ къ себѣ и долго съ ними бесѣдовалъ.

Въ тотъ же день купилъ онъ у Дирка Стофельса за 450 гульденовъ красивый буеръ и собственными руками придѣлалъ къ нему новый бургшпритъ. „Нельзя было не удивляться," пишетъ Номенъ, „съ какимъ рвеніемъ, въ потѣ лица, трудился столь великій Государь надъ своимъ буеромъ и какъ искусно приложенъ былъ къ нему бургшпритъ." Герритъ Мушъ, братъ Класса, служилъ на буерѣ каютъюнгою. Царь былъ очень доволенъ его расторопностью и усердіемъ, не разъ бывалъ у него въ домѣ, приглашалъ жену его и невѣстку къ себѣ на обѣдъ и подарилъ имъ по золотому кольцу.

Снарядивъ буеръ, Петръ весь слѣдующій день провелъ на водѣ; въ 4 часа утра онъ былъ уже въ заливѣ, къ полудню возвратился въ занъ, отобѣдалъ у купца Калфа, а послѣ обѣда тотчасъ отправился опять въ заливъ. У Бейтензана пристали къ нему яхты и буеры, наполненные любопытными. Онъ хотѣлъ удалиться отъ нихъ и направилъ путь къ Гальфегу — плотинѣ, отдѣляющей заливъ отъ Гарлемскаго моря; безотвязные голландцы не отставали. Причаливъ къ плотинѣ, Царь проворно выскочилъ на берегъ, толпа немедленно окружила его. Онъ разсердился и Карнелію Марсену, который, подошедши ближе другихъ, съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, далъ крѣпкую пощечину „Браво Марсенъ", закричали въ толпѣ, „ты пожалованъ въ

рыцари!“ Разгнѣванный Петръ заперся въ гербергѣ: уже позднимъ вечеромъ, когда разсѣялся народъ, онъ возвратился въ Сардамъ.

Здѣсь между тѣмъ готовилось любопытное зрѣлище: Заландскія мѣстечки, гдѣ строились суда, по примѣру всей Голландіи, ограждены были отъ напора морскихъ волнъ плотиною, вышиною въ 7-мь футовъ, шириною въ 150, съ многими шлюзами; мелкія суда легко проходили или изъ Бинненѕана (внутренняго ѕана) въ форзанъ (внѣшній ѕанъ) и оттуда въ заливъ; но большіе корабли надлежало поднимать на плотину, перетаскивать чрезъ нее на пространствѣ 20 сажень, по устроенной для того нарочно деревянной настилкѣ и потомъ снова спускать для вывода въ заливъ. Этимъ дѣломъ многотруднымъ и опаснымъ занималась особая компанія, получавшая за каждое судно, смотря по величинѣ, отъ 50 до 250 гульденовъ. 14-го Августа назначено было перевести изъ Бинненѕана въ форзанъ большой корабль, построенный купцомъ Кальфомъ. Мѣстное начальство пригласило Петра взглянуть на изумительное дѣйствіе механическаго искусства, предупредивъ, что для него и для свиты приготовлено удобное мѣсто, окруженное палисадомъ и охраняемое отъ народа городовою стражей. Хозяинъ корабля присовокупилъ къ тому просьбу удостоить присутствіемъ обѣденный столъ.

На первое приглашеніе Царь охотно изъявилъ согласіе, отъ втораго отказался.

Въ назначенный день, рано утромъ, собралось на Кримпе такое множество народа, что всѣ предосторожности оказались тщетными: палисады были опрокинуты, стража разогнана. Видя несмѣтныя толпы, покрывавшія нетолько улицу, но и кровли домовъ, Царь рѣшился остаться дома. Явились бургомистры, бальи, члены совѣта, съ просьбою неотказать въ своемъ присутствіи, предлагая пройти въ отведенное ему мѣсто задними воротами; сначала онъ было согласился и сталъ одѣваться, но, взглянувъ на улицу и увидѣвъ вездѣ толпы любопытныхъ, съ досадою сказалъ: „слишкомъ много народа,“ захлопнулъ дверью и цѣлый день никуда не выходилъ. Это было въ Субботу.

Еще болѣе собралось народа изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, даже изъ Амстердама, въ Воскресенье. Стража, стоявшая на мосту, не въ силахъ была удержать любопытствующихъ посмотрѣть плотника-Царя; домъ Киста былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Въ досадѣ на стеченіе народа, загородившаго дорогу къ шлюзу Горнъ, гдѣ стоялъ купленный Петромъ буеръ, онъ рѣшился ѣхать въ Амстердамъ, куда на другой день торжественно должно было вступить его посольство; внѣ себя отъ гнѣва онъ вышелъ изъ дома, долго не могъ пробиться сквозь густыя массы

и съ великимъ трудомъ достигъ своего буера. Между тѣмъ разыгралась сильная погода и опытные плавцы уговаривали Царя не пускаться въ столь опасное время, но онъ ничего не слушалъ, поднялъ парусъ и часа черезъ 3 благополучно прибылъ въ Амстердамъ, гдѣ также на пристанѣ встрѣтилъ множество любопытныхъ и не безъ труда проложилъ путь къ главному городскому гербергу, назначенному для помѣщенія россійскаго посольства.

Посольство прибыло въ Амстердамъ девятью днями позже Государя, бывъ задержано въ пути торжественными встрѣчами въ каждомъ значительномъ городѣ. До Нимвегена послы ѣхали сухимъ путемъ чрезъ Везель, Ксантенъ, Клевъ и Браненбургъ; въ Нимвегенѣ перебрались на приготовленныя, по распоряженію нидерландскаго правительства, яхты и плыли сперва Вааломъ, мимо Тиля и Сантъ-Андрюса потомъ — Маасомъ, мимо Бомеля, Лувенштейна, Горкума и Дордрехта, далѣе Исселемъ до Гоуда или Доргоу, отсюда каналами на мелкихъ судахъ до самого Амстердама, куда вступили торжественно въ полдень 16-го Августа.

По случаю прибытія такого гостя и въ надеждѣ извлечь выгоду для торговыхъ сношеній съ Россіею, Амстердамскія власти не пощадили издержекъ для пышнаго пріема: назначили на содержаніе посольства, сверхъ опредѣленной въ такихъ случаяхъ суммы, еще

100.000 гульденовъ, и разгласили другимъ посламъ, собравшимся въ Рисвикѣ для веденія мирныхъ переговоровъ съ Франціею, что никогда еще не бывало въ Голландіи столь великаго и почетнаго посольства, что оно составлено изъ трехъ вице-королей съ титуломъ намѣстниковъ: Новгорода, Сибири и Болхова и что въ свитѣ его находится самъ Царь. 17-го августа, на другой день пріѣзда пословъ въ Амстердамъ, Петръ вмѣстѣ съ ними, сопровождаемый Бургомистрами, осматривалъ ратушу — главное украшеніе Амстердама, вечеромъ посѣтилъ театръ, гдѣ представленъ былъ балетъ „Очарованія Армиды", съ комедіею „Притворный адвокатъ"; въ слѣдующій день обозрѣвалъ Адмиралтейство, корабельныя верфи и магазины. Послѣ того Бургомистры пригласили его со всею свитою на великолѣпный обѣдъ, съ блестящимъ фейерверкомъ на Амстелѣ. Примѣрное морское сраженіе въ заливѣ Эй, подъ руководствомъ искуснаго адмирала Схея, заключило празднества, данныя городомъ Амстердамомъ въ честь Россійскаго Государя. Всѣ парусныя суда, какія можно было только собрать, выстроились въ двѣ боевыя линіи при входѣ въ заливъ, предъ Схелингвудомъ. Петръ, сопровождаемый послами и бургомистрами, прибылъ на богато украшенной яхтѣ Остъиндской компаніи. Флотъ привѣтствовалъ его залпомъ изъ всѣхъ орудій и вслѣдъ за тѣмъ начался бой, продолжавшійся отъ ранняго

утра далеко за полдень. Непрерывная пальба съ судовъ и береговыхъ баттарей, по словамъ очевидца, закрыла солнце облаками дыма и производила такой громъ, что ничего нельзя было разслышать. Нетерпѣливый Царь не могъ остаться простымъ зрителемъ: перешелъ съ боевой яхты на военный корабль и самъ сталъ направлять его туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе.

Еще не успѣли окончиться празднества, какъ Петръ принялся уже за работу: въ день торжественнаго въѣзда пословъ, онъ изъявилъ желаніе бургомистру Витсену продолжать изученіе корабельнаго искусства въ Амстердамѣ на тамошнихъ верфяхъ; Витсенъ обѣщалъ сыскать ему дѣло на верфѣ Остъ-индской компаніи, и 19-го августа состоялось слѣдующее опредѣленіе ея директоровъ: „Лейтенантъ фонъ-деръ-Гулстъ, введенный въ собраніе, объявилъ отъ имени великаго посольства Московскаго, что знатная особа, пребывающая здѣсь инкогнито, желала бы провести нѣкоторое время на верфи компаніи при сооруженіи судовъ и при другихъ работахъ; вслѣдствіе чего просилъ приготовить, для жительства ея, домъ канатнаго мастера и заложить новый фрегатъ въ удовольствіе высокопомянутой особы. По совѣщаніи было признано изъявить на то полное согласіе; о закладкѣ же и постройкѣ фрегата отписать строительнымъ камерамъ, поручивъ Г. Витсену спросить высокопоимено-

ванную особу — въ какомъ размѣрѣ желательно ей видѣть строеніе фрегата: въ 130 или въ 100 футовъ, и если для нея все равно, то компанія признаетъ за-лучшее заложить фрегатъ въ 100 футовъ длиною.“

Царь былъ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ посольству его отъ города Амстердама, когда принесли ему извѣстіе о благопріятномъ рѣшеніи компаніи; онъ порывался тотчасъ же приняться за дѣло и едва уговорили его дождаться конца пиршенства и посмотрѣть приготовленный въ честь его фейерверкъ съ тріумфальною аркою. Но только лишь погасли послѣдніе огни, онъ объявилъ, что идетъ въ Сардамъ за своими инструментами. Тщетно упрашивали его послы и бургомистры повременить до утра, представляя всю опасность ночнаго плаванія. Онъ не слушалъ никакихъ убѣжденій: принуждены были послать въ ратушу за ключами отъ портовой заставы, опустить подъемный мостъ, отпереть заставу, и въ 11-ть часовъ ночи Петръ вышелъ на своемъ буерѣ въ заливъ. Въ 1 часъ по полуночи пришелъ онъ въ Сардамъ, уложилъ въ буерѣ свои инструменты и рано утромъ возвратился въ Амстердамъ прямо къ Остенбургу, гдѣ находилась верфь Остъ-индской компаніи, и гдѣ приготовленъ былъ для него на взморьѣ домъ канатнаго мастера.

Въ тотъ же день онъ поступилъ плотникомъ къ корабельному мастеру Герриту Классу-Полю, рас-

предѣлилъ по работамъ своихъ волонтеровъ для изученія дѣлъ мачтоваго, ботоваго, паруснаго, блокнаго, артиллерійскаго и т. п. „Спальники, которые прежде насъ сюда прибыли," писалъ тогда же Государь къ Виніусу, „выуча компасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что всё тутъ. Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ перемѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать въ Статъ, къ устью Эльбы познакомиться съ моремъ."

На верфи Остъ-индской компаніи Петръ трудился четыре съ половиною мѣсяца. Такимъ образомъ не въ Сардамѣ, гдѣ пребываніе его ограничилось одною недѣлею, а въ Остенбургѣ, на славнѣйшей изъ Голландскихъ верфей, изучилъ онъ искусство кораблестроенія. Первыя три недѣли прошли въ приготовленіи матеріаловъ; 9-го сентября онъ заложилъ, подъ руководствомъ Герриса Класса-Поля, фрегатъ 100 футовъ длиною, во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла, и на другой день написалъ въ Москву къ патріарху слѣдующія строки: „Мы въ Нидер„ландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею „и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы, „и послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, „трудимся; что чинимъ не отъ нужды, но добраго „ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы искусясь „совершенно могли, возвратясь, противъ враговъ „Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо бу-

„дущихъ, свободителями, благодатію Его, быть. Чего „до послѣдняго издыханія желать не престану."

Ничѣмъ не отличаясь отъ простыхъ плотниковъ, онъ послушно исполнялъ всѣ приказанія своего мастера: когда посѣтилъ верфь какой-то знатный англичанинъ, пріѣхавшій нарочно изъ Ло посмотрѣть Царя, и мастеръ, чтобы указать его посѣтителю, крикнулъ державному плотнику: „Питеръ Тиммерманъ Сардамскій! Что же ты не пособишь своимъ товарищамъ," переносившимъ въ то время тяжелое бревно — Петръ безпрекословно подставилъ свое плечо подъ дерево и помогъ перенести его въ назначенное мѣсто. И долго впослѣдствіи разсказывали голландцы своимъ дѣтямъ и внукамъ, передавая преданія изъ рода въ родъ, какъ видали они Царя, работавшаго па верфи, какъ утомленный трудомъ, отирая потъ съ лица, садился онъ на обрубокъ дерева и, опустивъ топоръ между ногъ, дружелюбно бесѣдовалъ съ своими товарищами, охотно разговаривалъ и съ сторонними посѣтителями, если только называли его принятымъ имъ именемъ, но отворачивался и не отвѣчалъ, когда привѣтствовали его словами — Государь или Ваше Величество. Впрочемъ ни въ какомъ случаѣ не любилъ продолжительныхъ разговоровъ и, отдохнувъ нѣсколько минутъ, возвращался къ дѣлу.

Потрудившись на верфи, неутомимый Царь принимался за другую работу. Каждая почта приносила

ему груду бумагъ изъ Москвы; бояре — правители, ближніе люди, корабельщики извѣщали его о дѣлахъ важныхъ и неважныхъ; испрашивали разрѣшенія по разнымъ предметамъ, иногда писали одни привѣтствія, нерѣдко увѣдомляли только о своемъ здоровьѣ, или въ шутливомъ тонѣ разсказывали о своихъ пирушкахъ и попойкахъ. Царь отвѣчалъ имъ съ первою отходившею почтою по пятницамъ; если же не успѣвалъ, просилъ не кручиниться, „потому что", писалъ къ Виніусу*), „иное за недосугомъ, иное за отлучкою, а иное за хмѣльницкимъ не исправишь."

Письма Петра были самого разнообразнаго содержанія. Они свидѣтельствуютъ, что окруженный толпою грубыхъ рабочихъ, обтесывая бревна и доски, прилаживая корабельныя снасти, Царь зорко слѣдилъ за современными дѣлами Европы, часто предавался думамъ о любезной ему Россіи и возвратившись съ верфи, въ часы ночной тишины, дрожащею отъ усталости рукою, торопливо и кратко, но всегда сильно и рѣзко, изъявлялъ Московскимъ правителямъ свою волю, желанія и надежды.

Работая на корабельной верфи въ Остъ-индской

---

*) Думной Дьякъ Андрей Андреевичъ Виніусъ, сынъ Голландскаго выходца Андрея Денисова Виніуса, основателя перваго желѣзнаго производства въ Россіи (близъ Тулы), переводчикъ многихъ книгъ, принимавшій самое живое и многообразное участіе въ преобразованіяхъ Петра.

компаніи и дѣятельно слѣдя за всѣмъ, что дѣлалось въ Россіи, Царь получалъ утѣшительныя извѣстія, что кораблестроеніе его на Воронежѣ, на Дону и на Хопрѣ идетъ успѣшно: одни суда голландскихъ размѣровъ, другія датскихъ, третьи венеціанскихъ. Но многаго еще недоставало, чтобы флотъ могъ вытти въ море. Царь рѣшился просить содѣйствія Голландіи и съ этою цѣлію отправлено было въ Гагу вышеупомянутое посольство для переговоровъ со штатами; о чемъ извѣстилъ ихъ Царь письмомъ, посланнымъ изъ Москвы 8-го марта.

Посольство торжественно принято было въ Гагѣ, по заранѣе установленному церемоніалу: послы начали съ поименованія всѣхъ титуловъ Царя, при чемъ передали отъ него поклонъ штатамъ съ пожеланіемъ здоровья. Президентъ, въ свою очередь, освѣдомился о здоровьѣ Царя, о новостяхъ; потомъ послы вручили Царскую грамоту и передали привезенные подарки, именно: девять паръ собольихъ мѣховъ отъ Царя и по двѣ пары отъ каждаго посла. За симъ началась рѣчь, въ которой послы высказали желаніе Царя о прочной дружбѣ, упомянули и о бывшей войнѣ съ Турціею, доставившей намъ обширную страну съ многими городами и особенно крѣпостью Азовомъ, и заключили тѣмъ, что имѣютъ сообщить еще о другихъ дѣлахъ, но просятъ для этого назначить особую конференцію.

Совершенно съ такою же церемоніею послѣдовалъ отвѣтъ штатовъ, при чемъ послы и всё общество стояли безъ шляпъ. Въ письмахъ членовъ штатовъ имена посольства русскаго употреблялись, слѣдуя русскому обычаю, съ отечествомъ; напр. Петръ Михайловичъ и т. п.

Главные предметы назначенной конференціи заключались въ томъ, что Россія предлагала Голландіи свободный провозъ шелку изъ Персіи чрезъ Астрахань; но штаты пока отклонились дать на то отвѣтъ, ибо вопросъ, по своей важности, требовалъ мнѣнія торгующихъ людей, а на это необходимо было столько времени, что штаты считали себя не вправѣ задерживать такъ долго посольство. Въ продолженіи 4-хъ конференціи, 29-го Сентября, 2-го, 6-го и 14-го Октября, посольство просило, чтобы Голландія послала въ Черное море 60 военныхъ кораблей и болѣе 100 галеръ противъ Турокъ, ибо эта война будетъ полезна всѣмъ христіанскимъ государствамъ и при томъ даетъ Россіи возможность, въ случаѣ нужды Голландіи, снабдить ее хлѣбомъ, какъ она это дѣлала уже прежде. Такое предложеніе штаты также отклонили подъ тѣмъ предлогомъ, что еще недавно покончивъ долгую войну съ Франціею, они сами нуждаются въ отдыхѣ и что имъ необходимо оправиться и получить возможность заплатить всѣ займы, сдѣланные на эту войну; къ тому же, вслѣдствіе потери многихъ кораблей,

Голландіи необходимы матеріалы для возстановленія своего флота, такъ что ей приходится не помогать, а искать помощи у другихъ.

При этомъ посольство высказывало надежду на полученіе отъ штатовъ разныхъ матеріаловъ, какъ то: пушекъ, якорей, канатовъ, указывая, что изъ Швеціи изъ обѣщанныхъ 500 пушекъ уже присланы 300 и упоминая, что Царь никогда ни въ чемъ не отказывалъ штатамъ; что штаты сами предлагали помощь, которая теперь была бы для Россіи особенно полезна; что ежели въ этомъ откажутъ Царю, то предпріятіе, которое онъ намѣревался выполнить при содѣйствіи флота, представитъ ему большое затрудненіе; что наконецъ испрашиваемые предметы скрѣпятъ еще болѣе дружбу штатовъ съ Россіею, которая всегда выказывала имъ чувство особаго расположенія и оказывала преимущественное покровительство подданнымъ штатовъ сравнительно съ другими, дозволяя имъ, кромѣ многихъ торговыхъ выгодъ, имѣть свои собственные домы, сохранять обряды своей религіи и имѣть у себя прислугу изъ русскихъ подданныхъ. Впрочемъ посольство полагаетъ, что штаты и не затруднятся въ столь ничтожныхъ предметахъ, тѣмъ болѣе, что Царь обязывается послѣ войны за всё вознаградить. Послы заключили свою рѣчь тѣмъ, что столь знаменитое посольство еще никогда изъ Россіи ни къ одному иностранному государству посылаемо не было. Но

штаты и за симъ въ требованіяхъ посольства рѣшительно отказали, объявивъ, что имъ самимъ тѣ же предметы необходимы, такъ что имъ приходится выписывать ихъ изъ другихъ государствъ; что они всегда были признательны за всѣ дѣйствія Россіи въ отношеніи къ нимъ, какъ за прошлыя, такъ и за настоящія, но увѣрены, что положеніе, въ которомъ они сами находятся, ихъ оправдаетъ и надѣются, при лучшихъ обстоятельствахъ, доказать свою признательность Россіи. Самъ Петръ, оставляя иногда работы, пріѣзжалъ инкогнито на конференцію. Посольство, видя невозможность склонить штаты къ исполненію своихъ желаній, выразило намѣреніе откланяться и возвратилось въ Амстердамъ 24-го Октября со всѣми условіями пріемнаго церемоніала.

Передъ отъѣздомъ изъ Гаги членамъ посольства были вручены отъ штатовъ въ подарокъ золотыя цѣпи, съ медалями, а именно:

Первому послу	въ	7000	флориговъ.
Второму	въ	6000	„
Третьему	въ	5000	„
Секретарю посольства . . .	въ	600	„
Церемоніймейстеру	въ	300	„
Двумъ переводчикамъ, каждому	въ	250	„
Тремъ кавалерамъ посольства, каждому	въ	150	„

Въ такую сумму и русскому священнику. Затѣмъ

посольство переѣхало въ Амстердамъ. Пребываніе посольства въ Голландіи стоило странѣ болѣе 200.000 флориговъ.

До 9-го Ноября въ Амстердамѣ имя Царя, какъ члена посольства, не было объявлено оффиціально, но съ этого времени было поручено бургомистрамъ быть къ услугамъ Царя во всемъ, что его Величество пожелаетъ. Дѣйствительно Амстердамскіе бургомистры не упускали случая высказать вниманіе Государю: онъ выразилъ желаніе изучить астрономію и правительство приказало выстроить на одномъ бастіонѣ города временное возвышеніе для практическаго наблюденія и выписало изъ Ротердама знаменитаго физика и астронома Хорцокера (Cretien Hortzoker). Царь былъ этимъ глубоко тронутъ, высоко цѣня такое вниманіе; 16-го Ноября на Остъ-индской верфи спущенъ былъ, въ присутствіи пословъ, заложенный собственными руками Петра корабль, отстроенный въ 9-ть недѣль. Штаты однакожъ не подарили этой драгоцѣнности Царю и корабль остался собственностію компаніи.

Относительно пребыванія Петра въ Англіи извѣстно, что Вильгельмъ III., король англійскій и въ тоже время бывшій штатгальтеромъ Нидерландскимъ, лично познакомившись съ Петромъ въ Утрехтѣ и Гагѣ, 9-го Ноября 1697 года, вполнѣ умѣлъ оцѣнить благородную страсть его къ кораблестроенію и приказалъ,

по возвращеніи въ Лондонъ, лучшую свою яхту приготовить въ даръ для Царя Московскаго. Петръ, восхищенный намѣреніемъ этимъ, отправилъ въ Лондонъ маіора Преображенскаго полка Вейде благодарить Вильгельма и объявить ему желаніе свое „посѣтить англійскую землю не знатнымъ лицомъ, чтобы видѣть корабли и морскія сраженія.“ Штаты съ своей стороны оказали Петру любезность тѣмъ, что снарядили три военныя судна подъ начальствомъ адмирала Митшеля, которому поручено было сопровождать Царя во всё время поѣздки. Царь съ Меншиковымъ и частію своей свиты отплылъ 1698 г. 18-го Января въ Лондонъ, а прочее посольство осталось въ Амстердамѣ, кромѣ Головина, который сначала оставался тоже въ Голландіи, но послѣ былъ призванъ въ Англію.

Главною пользою, вынесенною Петромъ изъ пребыванія въ Голландіи, было практическое ознакомленіе съ морскимъ дѣломъ; но тамъ онъ не могъ изучить его съ теоретической стороны. Голландскіе мастера, искуссные практики, не могли однако объяснить Петру самой пропорціи построенія кораблей, и онъ очень горевалъ о томъ, считая самую поѣздку сюда недостаточною для своей цѣли. Узнавъ случайно изъ словъ одного англичанина, что въ Англіи теорія кораблестроенія достигла значительнаго совершенства и пользуясь упомянутымъ приглашеніемъ Вильгельма III.,

Петръ, не мало не медля, поспѣшилъ отправиться въ Англію.

Для него былъ приготовленъ бывшій дворецъ вдовы Карла II въ Темплеборѣ, но державный путешественникъ скоро предпочелъ перейти на королевскія верфи вблизи города Дерптфорда въ домъ Эвелинга. Король его привѣтствовалъ съ пріѣздомъ, а Петръ благодарилъ за большое вниманіе и много услугъ ему оказанныхъ.

Англійскій флотъ восхищалъ Петра до того, что онъ сказалъ: „Не будь я Царь Россіи, желалъ бы быть всю жизнь англійскимъ адмираломъ.“

Царь видался съ Королемъ въ частныхъ аудіенціяхъ и, по желанію Вильгельма, позволилъ знаменитому живописцу Кнеллеру, передъ отъѣздомъ, снять съ себя портретъ. При прощаніи 18-го Апрѣля Вильгельмъ подарилъ ему означенную яхту и модель 120 пушечнаго корабля въ полномъ вооруженіи. Царь былъ этимъ восхищенъ и съ своей стороны подарилъ Королю огромный брилліантъ, завернутый въ бумажку, что выражало эмблему Царскаго инкогнито.

Въ Англіи Царь много ознакомился съ европейскою жизнію: съ восторгомъ видѣлъ нарочно устроенное для него морское сраженіе, тщательно изучалъ всѣ роды ремеслъ, особенно монетное, былъ въ Оксфордскомъ университетѣ, въ обществѣ кваке-

ровъ, бесѣдовалъ съ Епископами англійской церкви, которымъ однакожъ онъ не полюбился непоколебимою твердостію въ вѣрѣ Православной; съ удовольствіемъ былъ въ театрѣ, но всякій свободный часъ проводилъ на верфяхъ. Нанялъ въ Россію множество мастеровъ: для дѣлъ чертежнаго, шлюзнаго, корабельнаго, артиллерійскаго, инженернаго, архитектурнаго, болѣе 60 человѣкъ. Неудалось только согласить горнозаводчиковъ, „здѣсь достать ихъ можно, только дороги,“ писалъ Петръ. На одни задатки этимъ лицамъ Петръ перевелъ въ Голландію, чрезъ Архангельскъ 82,000 ефимковъ и 42,000 червонцевъ. Въ числѣ лицъ, приглашенныхъ Петромъ въ русскую службу, находился шотландецъ Фургансонъ — основатель навигаціонной школы, который потомъ въ Россіи ввелъ въ употребленіе арабскія цифры для счисленія, вмѣсто прежняго, производимаго на счетахъ, а въ письмѣ изображаемаго церковными буквами. Слова Петровы по возвращеніи изъ Англіи были: „навсегда остался бы я плотникомъ, если бъ не побывалъ въ Англіи.“

На яхтѣ Царь отправилъ всѣхъ вновь нанятыхъ въ Англіи людей 60 человѣкъ, въ Архангельскъ, а самъ съ адмираломъ Митшелемъ возвратился въ Голландію.

Петръ I прибылъ обратно въ Голландію 28-го Апрѣля 1698 года и поселился въ прежнемъ домѣ на корабельной верфи.

По возвращеніи изъ Англіи Царь въ одеждѣ своей былъ болѣе изысканъ и въ обращеніи съ людьми болѣе внимателенъ. Его много радовало, что двѣ яхты его были совершенно окончены. Подобно тому, какъ и въ Англіи, Царь нанялъ на русскую службу въ Голландіи множество мастеровъ, ученыхъ, медиковъ всевозможныхъ національностей: французовъ, италіанцевъ, венеціанцевъ, грековъ, особенно знакомыхъ съ Чернымъ моремъ. Большинство отправлено въ Архангельскъ на русскихъ корабляхъ, иные же поѣхали въ Москву чрезъ Нарву. Голландцы грустили объ отъѣздѣ изъ среды ихъ многихъ способныхъ людей и о вывозѣ значительнаго числа моделей, мельницъ и машинъ, предчувствуя, что со временемъ это заимствованіе произведетъ ущербъ ихъ торговлѣ, въ чемъ они и не ошиблись. —

Предъ отъѣздомъ изъ Голландіи, Царь еще разъ посѣтилъ Амстердамъ и своихъ знакомцевъ, побывалъ на верфяхъ, на мельницахъ, на фабрикахъ, назначилъ выстроенную яхту на Азовское море и, не смотря на слухъ о стрѣлецкомъ бунтѣ, со всѣмъ посольствомъ поѣхалъ въ Вѣну.

Здѣсь имѣлъ свиданіе съ Императоромъ, до такой степени соблюдая свое инкогнито, что былъ принятъ имъ въ загородномъ домѣ, куда прошелъ чрезъ садъ, безъ всякихъ признаковъ посольства и царскаго величія. Но выходя замѣтилъ на пруду гондолу и неу-

терпѣлъ, чтобы не покататься. Леопольдъ отдалъ ему визитъ.

Намѣреваясь ѣхать въ Венецію, Царь побывалъ предъ тѣмъ съ посольствомъ въ Баденѣ близь Вѣны, Пресбургѣ, но разыгравшійся стрѣлецкій бунтъ остановилъ поѣздку въ Венецію и заставилъ его возвратиться въ Россію 19-го Іюля 1698 года.

Нынѣ въ Сардамѣ путь къ домику, въ которомъ жилъ Петръ Великій, лежитъ отъ пристани на береговой улицѣ до гостинницы: „Царь Петръ"; здѣсь поворотъ на право въ переулокъ и за мостомъ на каналѣ, названномъ Императорскимъ, видимъ этотъ историческій домикъ на рѣчкѣ Нримпъ (форстенбергъ тоже). Послѣ отъѣзда Петра изъ Сардама, домикъ этотъ переходилъ въ разныя руки и даже впалъ въ забвеніе, но въ 1781 и 1782 г. г. память о немъ возобновилась, когда Русскій Императоръ Павелъ Петровичъ, въ бытность еще Великимъ Княземъ, и Великая Княгиня Марія Ѳедоровна предприняли путешествіе по Европѣ, подъ имснемъ Графа и Графини Сѣвера. (Comte du Nord), въ сопровожденіи Императора Австрійскаго Іосифа II-го и Короля Шведскаго. Они посѣтили Сардамъ, а за тѣмъ многія знатныя особы также начали пріѣзжать сюда, и въ томъ числѣ Графъ Орловъ, который передалъ въ домъ золотую медаль, съ изображеніемъ Императрицы Екатерины II-й. Медаль впослѣдствіи исчезла, равно и кубокъ, изъ

котораго Орловъ, съ сопровождавшими его гостями, пилъ за память Петра Великаго.

Домъ тогда былъ обитаемъ и хозяева выставили кружку для добровольныхъ пожертвованій, конечно въ свою собственную пользу, что продолжалось до 1797 года.

Нужда хозяина Вергува и лежащія на немъ подати вынудили его сломать домъ; но тутъ-то Г. Бульзингъ пожелалъ пріобрѣсти сіе знаменитое помѣщеніе и пріобрѣлъ его за 200 флориновъ, вмѣстѣ съ медалью Графа Орлова.

Бульзингъ поправилъ домикъ и завелъ въ немъ книгу, въ которую посѣщающіе могутъ вписывать свои имена, а сборная кружка осталась по прежнему. Внутри стѣны исписаны множествомъ именъ посѣтителей.

Императоръ Наполеонъ I посѣщалъ знаменитую хижину въ 1812 году, имѣя уже намѣреніе напасть на Россію. Небрежно на все взглянувъ, онъ съ насмѣшливою улыбкою покинулъ домикъ: для тогдашняго побѣдителя полувселенной ничтожнымъ, можетъ быть, показался трудъ Царя, изучавшаго съ азбуки дѣло преобразованія своего Государства.

Голландскій Король Людовикъ Наполеонъ способствовалъ сохраненію исторической хижины и даже хотѣлъ воздвигнуть обелискъ въ память пребыванія

здѣсь Петра Великаго; но, по измѣнившимся обстоятельствамъ, это не состоялось.

Русскій Императоръ Александръ I-й въ 1814 году, по окончаніи французской войны, повелѣлъ поставить мраморную доску надъ каминомъ служившимъ очагомъ Петру Великому, гдѣ онъ изготовлялъ себѣ и кушанье. На немъ надпись: „Petro Magno Alexander I“. На другой доскѣ по латыни выяснено упомянутое событіе; сохранилась также надпись: „Rien n'est trôp petit pour un grand homme“.

Позднѣе, 1818 года, Король Нидерландскій Вильгелмъ I-й пріобрѣлъ сей домикъ и передалъ его супругѣ своей, бывшей Великой Княгинѣ Россійской Аннѣ Павловнѣ, сестрѣ Императора Александра I-го. Великая Княгиня, принявъ его подъ свое покровительство, повелѣла надстроить надъ нимъ навѣсъ и представила для караула инвалидовъ, преимущественно изъ героевъ Ватерлоо. На домѣ: „anno 1632“.

Въ 1839 году посѣтилъ знаменитую хижину наслѣдникъ Россійскаго Престола, нынѣ Императоръ Александръ II-й. Тоже посѣтилъ сей домъ покойный Наслѣдникъ, Николай Александровичъ, и на стѣнѣ подъ рамкою написаны стихи Князя Вяземскаго:

Въ священномъ мѣстѣ семъ паломникъ молодой,
Предъ яркой памятью Петра благоговѣя
И съ нимъ къ отечеству любовью пламенѣя,
Здѣсь слухомъ набожнымъ и жадною душой
Внималъ таинственно минувшихъ лѣтъ преданію,

И повѣсть славную и чудную читалъ,
Которую въ урокъ и къ подражанiю
Потомству своему самъ предокъ завѣщалъ.
Здѣсь промыслъ онъ молилъ тревожно и сердечно,
Чтобъ могъ и онъ, когда ему укажетъ Богъ,
Свой подвигъ царственный исполнить безупречно.
Всего себя отдалъ отечеству въ залогъ,
И думы многiя въ младой душѣ кипѣли,
Въ глазахъ огонь сверкалъ и теплилась слеза;
Но юныхъ думъ плоды для жатвы не созрѣли:
Въ зародышѣ самомъ побила ихъ гроза.
И прадѣдъ съ правнукомъ, въ обители загробной,
— Одинъ — въ бою земномъ испытанный боецъ,
Другой — минутный гость, гость ангелу подобный,
Блеснувшiй на землѣ, но не земли жилецъ, —
Изъ жизни временной сошлися въ жизни вѣчной,
Но вѣрные любви и клятвѣ прежнихъ дней,
Россiю возлюбивъ любовью безконечной,
Надъ нею носятся и молятся о ней.

Есть еще стихи:

Надъ хижиною сей
Летаютъ Ангелы святые:
Великiй Князь, благоговѣй! —
Здѣсь колыбель Имперiи Твоей,
Здѣсь родилась великая Россiя.

Тутъ же переводъ.

Sur cette humble demeure
Planent les anges saints:
Tsarevitch, incline toi!
Ici est le berceau de ton Empire,
Ici est née la grande Russie.

Тутъ же виситъ портретъ Петра Великаго, присланный Анатолiемъ Демидовымъ въ 1856 году съ надписью:

То Академикъ, то Герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Разные портреты украшаютъ стѣны домика: одинъ изъ нихъ работы Портмана 1839 г., гдѣ Царь изображенъ въ натуральную величину, въ одеждѣ рабочаго и возлѣ надпись на русскомъ языкѣ, взятая изъ надгробнаго слова Петру Великому, сказаннаго Епископомъ Ѳеоѳаномъ Прокоповичемъ:

Какову онъ Россію свою сдѣлалъ,
Таковой и будетъ;
Сдѣлалъ доброй и любимой —
Любима и будетъ.
Сдѣлалъ врагамъ страшною —
Страшною и будетъ.
Сдѣлалъ на весь міръ славною —
Славною и будетъ,
Бити и неперестанетъ.

Восьмидневное пребываніе Петра въ Сардамѣ было лишь началомъ знакомства его съ иноземнымъ морскимъ дѣломъ. Вторичное пребываніе за границею высказало тѣ гигантскіе успѣхи, которые пріобрѣлъ даровитый плотникъ и громадный результатъ иноземнаго просвѣщенія, перенесеннаго Царемъ въ жизнь русскаго народа.

Вторичная поѣздка Петра I-го за границу и въ Сардамъ.
1717 г.

Возвратясь въ Россію, Царь назначилъ строгое изслѣдованіе надъ бунтующими стрѣльцами, недовольный слѣдствіемъ, произведеннымъ Шейномъ и Гордономъ. „Я допрошу ихъ по строже вашего,“ писалъ онъ. Грозная казнь виновнымъ и наконецъ уничтоженіе самаго названія стрѣлецкаго войска, съ обращеніемъ оставшихся въ городскихъ обывателей, завершили этотъ послѣдній бунтъ. Софію, находившуюся въ монастырѣ только на жительствѣ, жену свою Евдокію Лопухину и царевну Марфу — всѣхъ постригъ въ монахини и разослалъ по разнымъ монастырямъ — за приверженность къ старинѣ и сопротивленіе его нововведеніямъ и планамъ; строго держалъ ихъ тамъ, позволилъ посылать туда только избранныхъ слугъ, „а иныхъ и бабъ и дѣвокъ не

посылать; пѣвчихъ не пускать; поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ что въ церкви поютъ *Спаси отъ бѣдъ*, а въ паперти деньги на заговоры даютъ."

За тѣмъ съ неимовѣрною дѣятельностію занялся внутренними дѣлами.

Началъ съ того, что немедленно поѣхалъ въ Архангельскъ встрѣтить адмирала Крейса, призваннаго имъ на русскую службу и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ, къ удовольствію, нашелъ обширное адмиралтейство, 20 новыхъ кораблей, готовыхъ выйти въ море и множество корабельныхъ припасовъ и орудій.

Полуторогодовое путешествіе за границею воспріимчивому Царю принесло горькое убѣжденіе — какъ далеко народъ русскій отсталъ отъ европейскаго просвѣщенія въ слѣдствіе 400 лѣтняго татарскаго владычества и другихъ историческихъ причинъ. Оторвать дорогое отечество отъ грубыхъ обычаевъ Востока, включить въ семью Европейскихъ государствъ — вотъ что стало завѣтною думою Царя!

Двумя дорогами пошелъ онъ къ своей цѣли: сблизить внутренній бытъ народа съ иноземнымъ и открыть внѣшній путь за границу — „прорубить окно въ западную Европу."

Онъ началъ съ внѣшности, съ искорененія вѣковыхъ предразсудковъ и преградъ между русскимъ человѣкомъ и иностранцемъ. Нужно было сначала,

чтобъ русскій не дичился нѣмца, — Петръ началъ съ бритья бородъ, заповѣднаго сокровища приверженцевъ старины, и измѣненія длиннополыхъ кафтановъ на нѣмецкій костюмъ. Началъ съ себя, съ вельможъ, никому изъ служащихъ не позволилъ являться къ себѣ въ прежнемъ видѣ, а для частныхъ лицъ назначилъ пошлину за право ношенія бороды, съ ежегодною платою по 100, 60 и 30 рублей и установилъ для этого особые мѣдные знаки съ изображеніемъ бороды и усовъ. Чтобы знать — до какой степени трудна была борьба Петру даже противъ этого, повидимому ничтожнаго, но закоренѣлаго предразсудка, приведемъ одинъ случай: Англичанинъ Перри*) разсказываетъ, что встрѣтилъ въ Воронежѣ одного старика плотника, изъ русскихъ — безъ бороды: „Куда дѣвалась твоя борода?“ „Вотъ она, отвѣчалъ старикъ, вынимая её изъ за пазухи, „я запру её въ сундукъ и велю положить съ собою въ гробъ.“

Одновременно съ тѣмъ ввелъ женское общество въ собраніе мужчинъ, установилъ балы и ассамблеи, сближалъ кругъ русскихъ съ иностранцами, которымъ оказывалъ постоянные знаки вниманія.

Еще бóльшія затрудненія своимъ нововведеніямъ встрѣчалъ Царь со стороны Патріарха, который, въ понятіи простаго народа, являлся вторымъ Государемъ, почти самодержцу равносильнымъ. Царь

*) The of Russia, London 1716 p. 197.

быстро отклонилъ и это важнѣйшее затрудненіе. Патріархъ Адріанъ умеръ въ 1700, а съ этого времени до 1721 года, когда былъ учрежденъ Сvнодъ, управлялъ церковью Рязанскій митрополитъ Стефанъ-Яворскій съ званіемъ Блюстителя патріаршаго престола. Въ слѣдъ за уничтоженіемъ патріаршества, Царь сдѣлалъ и другое громадное преобразованіе: до 1700 года монастыри, которыхъ было множество, владѣли огромными помѣстьями съ крестьянами безотчетно. Въ одной Москвѣ и въ городахъ окружающихъ Москву было до 150 монастырей, при которыхъ числилось помѣстій съ числомъ душъ мужскаго пола до 243,000. Петръ всѣ эти помѣстья подчинилъ монастырскому приказу и доходы употреблялъ на учебныя заведенія и госпитали.

Одновременно слѣдя за всѣми государственными потребностями, Петръ завелъ въ Москвѣ математическія школы, въ губерніяхъ элементарныя, куда учителями посылалъ учениковъ Московскихъ школъ; основалъ училища: морское, инженерное, поручалъ изданіе и переводъ учебниковъ; запретилъ давать безграмотнымъ дозволеніе на женитьбу; лѣтосчисленіе, веденное отъ сотворенія міра, измѣнилъ на европейское отъ Рожд. Христова; новый годъ, считавшійся съ Сентября, велѣлъ считать съ Января; завелъ типографіи для печатанія русскимъ шрифтомъ и т. п.

Въ служебномъ отношеніи личнымъ заслугамъ

началъ давать преимущество предъ знатностію рода, съ геніальною проницательностію отличалъ даровитыхъ и изъ нихъ избиралъ себѣ сотрудниковъ.

Учредилъ коммиссію для изданія законовъ, написалъ регламенты: духовный, военный, морской; основалъ, сначала временно, Сенатъ по совѣту знаменитаго Лейбница и впослѣдствіи, по его же совѣту, 12-ть Коллегій или Министерствъ, написалъ проектъ объ учрежденіи Академіи Наукъ и пригласилъ туда много ученыхъ.

Завелъ болѣе 200 фабрикъ, усовершенствовалъ земледѣліе и скотоводство, обратилъ вниманіе и на изящество вкуса, архитектуру и живопись.

Второй цѣли — внѣшняго пути въ Европу — Царь достигалъ такимъ образомъ: не весьма благосклонный пріемъ въ Вѣнѣ отнялъ отъ него надежду союза съ Австріею противъ Турціи; а послѣдствіемъ войны съ Турціею Царь надѣялся пріобрѣсти порты на Черномъ морѣ. Орлинымъ взглядомъ Петръ взглянулъ на противуположный конецъ своего отечества — на море Балтійское.

Еще на возвратномъ пути изъ Голландіи Петръ дружелюбно былъ принятъ королемъ Польскимъ Августомъ II; Монархи сблизились до того, что помѣнялись даже своими костюмами и шпагами.

Въ слѣдъ за тѣмъ, Августъ, по совѣщаніи съ Лифляндскимъ рыцаремъ Паткулемъ, послалъ къ Петру посольство съ предложеніемъ союза на войну противъ

Швеціи, завладѣвшей Эстляндіею и Лифляндіею, принадлежавшими нѣкогда ордену меченосцевъ, потомъ завоеванными Іоанномъ Грознымъ, и противъ которыхъ отецъ Петра, Алексѣй Михайловичъ предпринималъ уже походъ.

Петру блеснула мысль о берегахъ Балтійскаго моря — „объ окнѣ въ Европу"; быстро заключилъ онъ миръ съ Турціею и на другой же день, 19-го августа 1700 года, объявилъ войну Швеціи — такъ называемую *Сѣверную войну* въ союзѣ съ Польшею и Даніею.

Одинъ изъ величайшихъ полководцевъ, отважный воинъ того времени, Карлъ XII, король Шведскій, страшно отмстилъ своимъ врагамъ: осадилъ Копенгагенъ и принудилъ къ миру Данію, разбилъ Петра подъ Нарвою, вступилъ въ наслѣдственныя земли Августа — Саксонію и тѣмъ заставилъ его отказаться отъ Польскаго престола.

Неоробѣлъ одинъ Петръ: получивъ „первый урокъ" отъ Шведовъ, онъ быстро началъ пополнять свою разстроенную армію, артиллерію и финансы и старался ободрить народъ, упавшій духомъ послѣ перваго пораженія. „Надъ нашими войсками," говорилъ онъ, „Шведы викторію учинили — то есть безспорно; но надлежитъ разумѣть — надъ какимъ войскомъ оную получили? Единымъ словомъ сказать, казалось, все то дѣло яко младенческое играніе было,

а искусство, ниже вида!“ Вскорѣ воспользовавшись сосредоточеніемъ большинства Шведскихъ войскъ въ Польшѣ для водворенія Карломъ XII на престолъ Станислава Лещинскаго вмѣсто Августа II, Шереметьевъ, прославившій себя уже многими побѣдами, разбилъ Шведовъ въ Лифляндіи въ 1701 году, а въ слѣдующемъ году, осенью, самъ Царь открылъ военныя дѣйствія завоеваніемъ Ингріи (нынѣшняя Петербургская губернія) и покорилъ крѣпость Шлиссельбургъ; а въ 1703 году, на берегахъ Невы, разрушивъ Шведскую крѣпость Копцы, заложилъ свою и назвалъ ее 16-го Мая 1703 года *Петербургомъ* (нынѣшняя столица); для защиты же ея со стороны Финскаго залива основалъ крѣпость Кронштадтъ. Въ 1704 году покорилъ Дерптъ и Нарву, а въ слѣдующемъ Митаву и занялъ всю Курляндію.

Озадаченный Карлъ всѣми силами устремился на Петра, вошелъ въ сношеніе съ Гетманомъ Малороссіи Мазепою, измѣнившимъ Петру, вступилъ въ русскіе предѣлы и осадилъ Полтаву. Осада длилась мѣсяцъ, но отважность Петра спасла осажденныхъ; кровопролитный бой 27-го Іюня 1709 года рѣшилъ участь двухъ могущественныхъ Царей Сѣвера: войско Карла разсѣяно, самъ онъ бѣжалъ въ Турцію, Петръ пріобрѣлъ первенство на Сѣверѣ.

Удачно освободясь за тѣмъ отъ войны съ Турціею, возбужденной Карломъ XII, Петръ заставилъ Швецію

уступить намъ Лифляндію, Эстляндію и Ингрію и наконецъ пріобрѣлъ Финляндію, нанеся жестокое пораженіе своимъ флотомъ Шведскому при мысѣ Гангудѣ въ 1714 году. Карлъ пытался было, съ помощію Англіи, возвратить прибалтійскія земли, но Петръ выслалъ снова свой флотъ къ самому Стокгольму и забавлялся потомъ тѣмъ, что Русская эскадра овладѣла нѣсколькими Шведскими фрегатами и привела ихъ въ Петербургъ „при очахъ господъ Англичанъ.“ Швеція уступила Россіи Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и часть Финляндіи съ Выборгомъ.

Петръ достигъ своего: Сардамскій плотникъ сталъ адмираломъ своего флота, имѣлъ 48-мь линейныхъ кораблей и 800 другихъ военныхъ судовъ съ 28-ю тысячнымъ экипажемъ и 180 тысячь сухопутнаго войска; мечта „прорубить окно въ Западную Европу“ осуществилась — онъ имѣлъ не только портъ въ Ригѣ, но и заложилъ своими руками портъ въ Петербургѣ, гдѣ черезъ 10 лѣтъ послѣ его завоеванія, на мѣстѣ болотъ, готова была уже новая столица, перенесенная туда изъ Москвы; въ эти 10-ть лѣтъ 40.000 рабочихъ ежедневно трудились надъ созданіемъ новой столицы, побуждаемые личнымъ примѣромъ Царя, котораго ни наводненія, затоплявшія его работы, ни безнадежная болотная и лѣсная почва не удерживали отъ задуманной мысли — и столица образовалась. Петръ достойно пріобрѣлъ имя Великаго Государя Императора Всероссійскаго.

Въ такомъ положеніи Петръ пожелалъ вторично взглянуть на Голландію и Европу.

Кромѣ естественнаго желанія повидать мѣста своего ученія, здоровье Царя много разстроилось и требовало пользованія Пирмонтскими цѣлительными водами.

Заранѣе, еще въ 1716 году 29-го Ноября, извѣстили русскаго посланника въ Голландіи, что Императоръ намѣревается посѣтить Штаты и скоро воспослѣдовалъ отвѣтъ, что ожидаютъ его съ радостію.

1717 г. 27-го Января Государь съ Императрицею Екатериною, второю его женою изъ Маріенбурга (въ Лифляндіи), предпринялъ путешествіе. Екатерина была всегдашнею спутницею Петра и не только любимою женою, но и добрымъ совѣтникомъ въ его планахъ. Она подавала уже надежду скоро сдѣлаться матерью и могла съ нимъ доѣхать только до г. Веzеля, гдѣ и заболѣла. И когда у ней родился 12-го Января сынъ, названный Павломъ, и Петръ былъ извѣщенъ о томъ пажемъ Мавринымъ, то поспѣшилъ передать эту радость Штатамъ, приглашая ихъ быть воспріемниками новорожденнаго; но черезъ двое сутокъ узналъ, что младенецъ умеръ и былъ тѣмъ глубоко огорченъ. Вѣнценосныхъ путешественниковъ сопровождала Царевна Екатерина Іоанновна, которую Петръ надѣялся отдать за-мужъ за Герцога Меклен-

бургскаго. Поѣздка совершилась черезъ Ригу и Митаву на Кенигсбергъ.

Когда Царь прибылъ въ Амстердамъ, куда Императрица могла пріѣхать лишь черезъ мѣсяцъ, то отправился прямо въ домъ своего знакомаго Резидента Брандта. Его сопровождала большая свита, и именно: Графъ Головинъ, Великій Канцлеръ. Баронъ Шафировъ, Вице-Канцлеръ. Петръ Толстой, Главный Совѣтникъ. Дмитрій Шепелевъ, Фельдмаршалъ. Иванъ Черкасовъ, Походный Секретарь. Павелъ Ягужинскій, Генералъ-Адъютантъ. Графъ Александръ Румянцевъ. Князья: Яковъ и Василій Долгорукіе, Голицынъ, Бутурлинъ и другія высокія особы.

Депутаты города, и во главѣ Графъ Обермарлъ, привѣтствовали Царя, который выслушавъ ихъ сказалъ: „Благодарю, графъ, хотя я васъ не понялъ, ибо мое знаніе въ голландскомъ языкѣ ограничивается терминами кораблестроенія, а ваша рѣчь для меня трудна.“ Ему предложили приготовленную гостинницу куда онъ переѣхалъ, но не согласился, чтобы издержки на его пребываніе принимали на себя Штаты или городъ. У г. Брандта онъ принялъ великолѣпный обѣдъ и самъ хозяинъ служилъ ему за столомъ.

Царь не могъ довольно нарадоваться, увидѣвъ вновь свой любимый Амстердамъ, и осмотрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ, посѣтилъ своихъ старыхъ

друзей и знакомыхъ, между прочимъ бывшаго Бургомистра Витцена, за старостью и болѣзнью лежащаго въ постели, тоже профессора Бунша, которому пожавъ руку сказалъ: „вижу въ васъ моего стараго учителя.“ Многіе изъ старыхъ знакомцевъ уже умерли.

Особенно радостно посѣщалъ онъ корабельныя верфи и радовался когда его привѣтствовали: „здорово мастеръ Петръ.“ Первая такъ назвала его женщина при входѣ на верфь. Царь её спросилъ, какъ она его узнала? Она отвѣчала: „да развѣ вы у меня не обѣдали часто, тому 19 лѣтъ, я — жена мастера Поля.“ Царь бросился ей на шею, расцѣловалъ её и просилъ пригласить его нынѣ къ себѣ на обѣдъ?

Петерпѣливо желалъ Царь увидѣть Сардамъ — свое первое пристанище въ Голландіи, но сначала его задержала буря, а тамъ болѣзнь.

Посланники Европейскихъ дворовъ находившіеся въ Амстердамѣ, получили отъ своихъ правительствъ инструкціи привѣтствовать Царя, но онъ, будучи боленъ и видя невозможность избѣжать сей чести, принималъ ихъ лежа на кровати. Страдая отъ болѣзни, онъ въ тоже время много сокрушался смертью новорожденнаго сына Павла, о чемъ только что получилъ извѣстіе.

Царю тоже прискорбно было, что болѣзнь попрепятствовала ему видѣться съ Англійскимъ Коро-

лемъ Георгіемъ I, который находился тогда въ Германіи на возвратномъ пути въ Лондонъ, и онъ вынужденъ былъ послать, вмѣсто себя, Князя Куракина и Графа Толстаго, но и имъ тоже неудалось представиться Королю, ибо онъ уже былъ на кораблѣ и погода воспрепятствовала ихъ принять. Всѣ были увѣрены, что это была хитрость для избѣжанія свиданія, по причинѣ разныхъ политическихъ столкновеній и недоразумѣній.

Съ нетерпѣніемъ и Императрица желала видѣть хваленый Амстердамъ, эту колыбель величія Царя куда и прибыла 13-го Февраля; свита ея была многочисленна и въ томъ числѣ знаменитая Статсъ-Дама Анна Крамеръ и Хирургъ Двора Лестокъ; пріѣздъ ея торжественно привѣтствовали Штаты и она поселилась вмѣстѣ съ Царемъ у русскаго негоціанта Соловьева, который имъ уступилъ весь свой домъ.

Болѣзнь Царя продолжалась до 5-го Марта. Тогда только онъ могъ отправиться въ Сардамъ съ малою свитою. Жители, и особенно моряки, привѣтствовали его съ восторгомъ, видя въ своемъ старомъ ученикѣ — Героя Полтавы. Прежде всего онъ пожелалъ увидѣть отца и сына Кальфа и тутъ же отправился съ ними на лодкѣ во всѣ направленія, гдѣ только можно было осматривать заводы и мельницы. Всѣми было замѣчено, что нынѣ Петръ не тяготился уже любопытствомъ толпы; когда отъѣзжалъ отъ Сардама, стоя

на рулѣ, то это не былъ уже разсерженный плотникъ, но могущественный Царь во всемъ своемъ величіи. Одежда его была проста, но виднѣлась сабля на широкомъ поясѣ; парикъ его былъ черный съ короткими волосами, густые усы рисовались на блѣдномъ лицѣ. Свита же, по большей части княжескаго рода, одѣта была роскошно.

Царю понравился привѣтъ, оказанный ему въ Сардамъ и 9-го числа онъ вновь туда прибылъ съ Княземъ Куракинымъ, многочисленною свитою и нѣсколькими голландцами; вскорѣ за тѣмъ прибыла туда Императрица съ двумя Статсъ-Дамами и блестящею свитою, Кальфъ ихъ принималъ и угощалъ обѣдомъ. Одежда Царя была проста, за то Императрица какъ будто намѣревалась ослѣпить сардамцевъ своими бриллiантами, жемчугами и дорогими каменьями. Въ это время Кальфъ показывалъ имъ фабрики, особенно бумажную, и послѣ всѣ, по обѣщанiю, отправились на кофе къ Томасу Іоссасу.

Царь извѣстившись, что старый его хозяинъ Кистъ служитъ работникомъ въ кузницѣ, пригласилъ его къ себѣ, намѣреваясь съ нимъ вмѣстѣ посѣтить его жилище; но Кистъ отвѣчалъ: „что мнѣ до Царя, онъ мнѣ долженъ еще за квартиру!“ Царь съ однимъ кавалеромъ отправился къ нему и съ нимъ въ свое бывшее жилище. Осмотрѣвъ всё въ подробности, онъ прилегъ на скудную кровать, на которой прежде отдыхалъ утомленный дневными трудами, заглянулъ

и въ чуланъ, въ которомъ онъ молился уединенно. Царь щедро расплатился съ Кистомъ и подарилъ ему серебряный бокалъ.

Но вспыльчивость характера и своеобразность нрава и тутъ обозначились: въ кузницѣ отъ брызговъ раскаленнаго желѣза пыль падала на окружающихъ и одинъ изъ сопровождавшей его свиты поспѣшилъ удалиться; Царь замѣтивъ это, подозвалъ его близко къ себѣ и тутъ же приказалъ ковать молотомъ желѣзо: осторожному кавалеру пришлось перетерпѣть. За обѣдомъ лютеранскій пасторъ Герардусъ-Ванъ-Алстъ пилъ здоровье Царя и Царицы, за что онъ его благодарилъ. Пиръ продолжался долго и уже поздно они посѣтили вдову Блома Алты Валингіусъ, чтобы оттуда видѣть спускъ корабля, но вода была низка и корабль засѣлъ въ мели. Жители Сардама были восхищены любезностью Императрицы, которая была къ нимъ чрезвычайно привѣтлива. Сардамцы такъ описывали её: средняго роста, пропорціональна, красива, любезна и граціозна.

На другой день высокіе гости отправились въ Утрехтъ и осмотрѣли тамъ всё, что было примѣчательнаго, Царь даже былъ на высшемъ куполѣ и восхищался, видя оттуда почти всю Голландію. При осмотрѣ фабрикъ бархатныхъ издѣлій чуть было любопытствующій Царь не сдѣлался жертвою неосторожности: желая удостовѣриться въ силѣ водянаго

двигателя, онъ схватилъ главное колесо въ намѣреніи его остановить и его туда повлекло; въ минуту, когда колесо могло его раздавить, мастеръ успѣлъ его схватить и оторвать отъ колеса. Невольно всѣхъ одолѣлъ страхъ, но когда всё миновалось, радость была общая, Царь обнялъ мастера и пожалъ его руку.

18-го Марта вѣнценосные посѣтители отправились въ Гагу, остановились у князя Куракина; для нихъ отъ правительства былъ выставленъ у дома почетный караулъ, а для встрѣчи высланы депутаты, которые привѣтствовали гостей особою рѣчью; Петръ Великій весьма обязательно и ловко отвѣчалъ.

Вслѣдъ за тѣмъ представлялись посѣтителямъ депутаты отъ разныхъ вѣдомствъ, высшіе офицеры и иностранные посланники; Царь и Императрица принимали съ полнымъ величіемъ и блескомъ; въ заключеніе для нихъ даны были великолѣпныя празднества. Всюду гостей сопровождали графъ Альбемарль и Г. Ґаммъ; при посѣщеніи Бинненгофа они были встрѣчены членами коллегій въ полномъ составѣ и въ полной парадной одеждѣ. Всё достойное вниманія было осмотрѣно и Петръ былъ особенно привѣтливъ со всѣми.

За тѣмъ отправились въ Роттердамъ, гдѣ пробыли 4 дня и весьма сочувственно отозвались на привѣтъ, который былъ имъ оказанъ.

Въ Роттердамѣ Царь рѣшилъ посѣтить Францію

и поѣхать въ Парижъ, но одинъ, желая избѣжать всякаго этикета; его туда сопровождали князь Куракинъ, князь Василій Долгорукій, Бутурлинъ, Толстой и Ягужинскій.

Петръ Великій возвратился изъ Франціи въ Амстердамъ въ началѣ Іюля. Всё время его отсутствія Екатерина оставалась въ Амстердамѣ, гостила и въ Гарлемѣ на дачѣ негоціанта Соловьева. Штаты продолжали оказывать всевозможное вниманіе, дѣлали празднества, даже маневры морскаго сраженія, при чемъ Екатерина находилась на главномъ военномъ кораблѣ подъ русскимъ флагомъ. Царь возвратился прямо къ ней въ Гарлемъ и празднества продолжались. Послѣднее время Петръ прожилъ въ Амстердамѣ и объявилъ, что вторичное его посѣщеніе Голландіи не имѣло цѣли изученія кораблестроенія, но что онъ желалъ изучить изящныя искусства и науки, которыя его теперь занимали. Онъ посѣщалъ знаменитыхъ живописцевъ, у которыхъ оставался долгое время, съ ними бесѣдовалъ и пріобрѣлъ, до извѣстной степени, знаніе въ оцѣнкѣ живописи и скульптуры, накупилъ много картинъ, преимущественно морскихъ изображеній, служащихъ и до нынѣ украшеніемъ во дворцѣ въ Петергофѣ, такъ какъ всѣ онѣ принадлежатъ кисти знаменитыхъ художниковъ того времени, какъ то Рембранта, Штейна, Вувермана и др.

Кромѣ того Царь пріобрѣлъ еще множество пред-

метовъ, относящихся до натуральной исторіи и знаменитыя рѣдкости всѣхъ родовъ, послужившія основаніемъ нашего знаменитаго кабинета рѣдкостей.

По совѣту своихъ знакомыхъ Витцена, Рюша и другихъ, Петръ пріохотилъ русскихъ къ занятію науками и искусствами и отправилъ для сей цѣли за границу нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ ихъ Никитина, Матвѣева, Захарова, Меркурьева, Мальзевскаго; а Сомсовъ и Еропкинъ отправились послѣ въ Италію для изученія архитектуры.

На сей разъ политика много занимала Царя. Во всемъ служили основаніемъ интересы государства, и что можно было предвидѣть, то и совершилось. Негоціанты уже не выказывали на сей разъ прежней преданности Царю, ибо ихъ глубоко огорчило, что торговля изъ Архангельскаго порта была переведена въ Петербургскій, и что чрезъ учрежденіе множества фабрикъ и заводовъ въ Россіи, они, при сбытѣ своихъ товаровъ, понесли значительный убытокъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ; при всемъ томъ празднества продолжались.

Въ Августѣ Петръ посѣтилъ много городовъ въ Голландіи; почести ему были отдаваемы повсюду и всѣ посланники представились Царю для прощальной аудіенціи.

Наконецъ 30-го Августа послѣдовало послѣднее посѣщеніе Сардама. Императоръ отправился туда съ 10-ю

главными своими сановниками и священникомъ и просилъ Кальфа принять его у себя безъ особыхъ церемоній. Къ Кальфу присоединились главные жители Сардама для принятія Царя; по осмотрѣ и еще разъ нѣкоторыхъ фабрикъ, былъ обѣдъ. Еще разъ Петръ успѣлъ осмотрѣть строющійся для него буеръ, который онъ приказалъ отправить въ Петербургъ; но участь этого буера была несчастлива впослѣдствіи: корабль, на которомъ онъ былъ поставленъ, захваченъ былъ Шведами и до сихъ поръ этотъ буеръ сохраняется въ Стокгольмѣ съ большимъ почетомъ. Царь желалъ посѣтить общество Менонитовъ, гдѣ былъ проповѣдникомъ Кальфъ, намѣреваясь услышать — какимъ порядкомъ преподается тамъ слово Божіе; но прибавилъ, что долгую проповѣдь онъ не любитъ. „Въ такомъ случаѣ,“ отвѣчалъ проповѣдникъ, „я выскажу краткое наставленіе.“ Онъ взошелъ на каѳедру и съ достоинствомъ произнесъ: „Думайте правдиво, говорите правдиво и дѣйствуйте правдиво.“ Царь остался очень доволенъ столь краткимъ словомъ.

За обѣдомъ Петръ Великій высказалъ слова, исполненныя задушевнаго привѣта Сардаму и его обывателямъ, прибавивъ, что онъ нигдѣ не нашелъ столь много дѣятельности и обширной торговли какъ въ этомъ городѣ; дружески простился со всѣми, цѣлуя каждаго въ лобъ, и заключилъ своимъ любимымъ выраженіемъ: „Да сохранитъ васъ Богъ.“

Тѣ же чувства благорасположенія, которыя питалъ Царь къ Сардаму, сохранилъ онъ и къ жителямъ Амстердама. Бургомистръ Витценъ скончался еще при немъ 16-го Августа, но до того онъ часто его навѣщалъ; смерть этого любимца, равно и кончина Бургомистра Іеррита Іоасса, очень огорчили Царя: „въ нихъ я потерялъ лучшихъ друзей въ Голландіи,“ говорилъ Петръ. Прощаясь съ мастеромъ ванъ-Ренненомъ, онъ спросилъ у него кусокъ дерева, сказавъ: „Я сдѣлаю кое-что вамъ на память,“ и сдѣлалъ модель красивой яхты, которую ему и подарилъ. Кромѣ того онъ еще далъ одинадцать медальеновъ съ его изображеніемъ и прощаясь съ нимъ расцѣловалъ его.

Предъ отъѣздомъ 31-го Августа, Штаты и городское управленіе имѣли у Императора аудіенцію Въ сей день буря была сильная и съ большимъ трудомъ можно было его уговорить отложить свой отъѣздъ; но на другой день онъ отправился при пушечной пальбѣ на яхтѣ до Дортрехта и Куда; здѣсь онъ разстался съ Императрицею, чтобы посѣтить крѣпость Бергъ-оп-Цомъ — образцовую постройку Когорна. Затѣмъ вѣнценосные путешественники отправились вмѣстѣ въ Клефъ, и 10-го Сентября покинули республику. Въ Везелѣ они простились съ княземъ Куракинымъ и Нарышкинымъ и съ прочими членами посольства, остававшимися въ Голландіи; еще

разъ князю Куракину поручено выразить Штатамъ совершенное свое уваженіе и удовольствіе за оказанное вниманіе Царю во всё время пребыванія его въ Голландіи, что Куракинъ немедленно и исполнилъ.

Такъ окончилась вторичная поѣздка Петра за границу.

Лейпцигъ, въ типографіи Бера и Германна.

3—